

Негде спрятаться, когда бежишь от самой себя

ЭТОТ
ЖЕСТОКИЙ
ЗАМЬСЕЛ

ЭМИЛИ СУВАДА

Эта смертельная спираль

Эмили Сувада

Этот жестокий замысел

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Сувада Э.

Этот жестокий замысел / Э. Сувада — «Эксмо», 2018 — (Эта смертельная спираль)

ISBN 978-5-04-100180-3

Эпидемия смертельного вируса закончилась, но борьба Катарина только начинается. Отец девушки, гениальный ученый, повинный в смерти миллионов людей, не собирается прекращать свои бесчеловечные разработки. Кэт, Коул и Леобен отчаянно пытаются найти способ его остановить. Но все их действия заранее обречены на провал, ведь Катарина не может контролировать даже свой разум: девушка стала жертвой пугающих видений прошлой жизни, о которой она и не подозревала. Столкнувшись с ложью и предательством самых близких людей, Катарина вынуждена действовать самостоятельно. И хотя ее отец всегда на шаг впереди, самой большой угрозой для Кэт могут стать секреты, скрытые в ее собственном подсознании.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-100180-3

© Сувада Э., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	52
Глава 10	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Эмили Сувада

ЭТОТ ЖЕСТОКИЙ ЗАМЫСЕЛ

Ларе Бет Джонсон – я тобой восхищаюсь

Emily Suvada

This Cruel Design

THIS CRUEL DESIGN © 2018 by Emily Suvada

© **Норицына О.Н., перевод на русский язык, 2019**

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Уже полночь, но закат все еще не уступает тьме. Здесь, на севере, из-за наклона земной оси день тянется до позднего вечера. Надо мной парит огромнейшая стая странствующих голубей¹, а кончики их перьев тускло светятся, отчего птицы напоминают рой светлячков. Они пикируют вниз и проносятся между деревьями выверенными и ловкими движениями, и кажется, что на темнеющем небе начался звездопад. Их крики эхом разносятся по крутым горным склонам, наполняя бодрящий ночной воздух громоподобными звуками.

Стая совсем не похожа на ту, что летала над хижинкой. Эти птицы – новый вид со своими мутациями и причудами. Их пронзительные крики прерываются чередой непередаваемого жужжания и щелчков. Они становятся умнее с каждым новым поколением.

Как будто учатся говорить.

– Расслабь ноги. Смотри на меня, – медленно кружа вокруг меня, говорит Леобен.

Я отвожу взгляд от стаи и стараюсь не так сильно давить на пятки. Мои кулаки подняты, волосы на плечах спутались. Мы в чаще леса, трава вокруг втоптана в землю. Во рту кровь, на коже грязные разводы, а на каждом сантиметре моего тела расцветают синяки.

– Не теряй бдительности, кальмар.

Я напрягаюсь.

– Ты только что назвал меня кальмаром?

Почти незаметная улыбка появляется на губах Леобена, отчего у меня все сжимается в животе. Он снова готовится напасть – я вижу это по его глазам. Парень безоружен и, уверена, не причинит мне вреда. Но Леобен все-таки тайный агент. Стержень мастерски тренируемого с детства оружия «Картакса». Каждое его движение отточено и смертоносно, а гибкие мышцы напрягаются под татуированной кожей рук. Его улыбка превращается в оскал, он наклоняет голову, а затем отталкивается и устремляется вперед в почти невидимом движении.

Нет времени на размышления. Я отпрыгиваю в сторону, чтобы уклониться от кулака, летящего в ребра, но тут другая его рука оказывается на моем горле. Я вскидываю колено, а затем посылаю локоть навстречу его челюсти и отступаю назад. Вот только он уже успел подставить туда ногу.

И хватает лишь легкого толчка, чтобы я потеряла равновесие. Но, несмотря на то что он отправляет меня в полет, я не могу не восхищаться его грациозностью. Его пальцы сжимают мою шею, направляя мое падение. Я лечу вперед спиной и ударяюсь о землю с такой силой, что из легких выбивает весь воздух.

Потирая челюсть, Леобен отступает назад, а я хриплю и сворачиваюсь калачиком на земле.

– Хорошо, – кивая, говорит он.

Я перекатываюсь на колени и пытаюсь отдышаться.

– Хорошо? Да я едва тебя коснулась.

Он наклоняется и помогает мне подняться.

– Ты делаешь успехи, но тебе нужно стать более агрессивной. Ты должна пытаться повалить меня.

Я встаю на ватных ногах, пытаюсь разогнать серебристые блики перед глазами. Мы тренируемся уже несколько дней, и каждый раз кажется, словно в меня врезалась машина, но все же Леобен прав – прогресс есть. Реакция ускоряется, чувства обостряются, а на плечах и предплечьях появились намеки на мышцы. Я никогда не ощущала себя такой беспомощной, как

¹ Странствующий голубь – вымерший вид семейства голубиных, который обитал в лиственных лесах Северной Америки. Птицы вели кочующий образ жизни, собираясь в огромные стаи по миллиону особей.

во время тренировок с Леобеном, но почему-то только в эти моменты я уверена в том, что контролирую ситуацию.

– Ты в порядке? – глядя на меня, спрашивает Леобен. – Выглядишь не очень хорошо.

Покачиваясь, я тру глаза.

– Да, я в порядке.

Он качает головой, и на синих полосах под его ресницами поблескивает умирающий свет заката.

– Из тебя никудышный лжец. Пойдем. Скоро Коул вернется с обхода. Нам придется прерваться на ночь, или он надерет мне задницу за то, что я тебя избил.

– Я отключила код, влияющий на его защитный инстинкт.

– Знаю, – говорит Леобен. – Но он все равно надерет мне задницу.

Он обнимает меня за плечи и провожает в наш импровизированный лагерь. Мы припарковали джипы на вытоптанной поляне и растянули между ними камуфляжный брезент. Машины окружают высокие большие деревья с покрытыми мхом стволами, у подножия которых раскинулись папоротники. Мы уже неделю прячемся в чаще леса в часе ходьбы от лаборатории «Проекта Заратустра». В первую ночь, после того как я взорвала генкиты, мы разбили лагерь на парковке, но туда прибыл отряд «Картакса», и нам пришлось бежать. Никому из нас не хотелось оставаться рядом с тюрьмой, в которой мы провели детство, но наши раны не позволяли нам отправиться в путь, да и идти было некуда.

Так что мы остались здесь, отдыхали и лечились, ели сухпайки и спали в джипах. В лаборатории все еще торчали солдаты, и, наверное, не стоило оставаться в такой близости от них, но «Черные купола» на джипах скрывали наше местонахождение. Кроме того, эта стая голубей с каждым днем становилась все больше, их крики разрезали воздух, а мерцающее оперение обеспечивало прикрытие, позволявшее скрыться от любопытных дронов.

Леобен распахивает задние двери джипа и вытаскивает две металлические колбы.

– Я серьезно. Тебе надо отдохнуть. Ты выглядишь не очень хорошо, кальмар.

– Перестань называть меня кальмаром, – говорю я.

Он бросает мне одну из колб.

– У тебя столько правил. Я не могу называть тебя кальмаром или картошкой. Ты моя сестра, и у тебя должно быть прозвище.

– У Коула нет прозвища.

Он закатывает глаза:

– Это потому, что его имя Коул.

Я открываю крышку и делаю глоток воды, а затем поласкаю рот, чтобы смыть кровь, и сплевываю в траву.

– А почему «кальмар»?

– Они умеют менять собственные гены так же, как ты. Головоногие. Я читал об этом.

– Ого. – Я делаю еще один глоток, отчего приходится бороться с головокружением. Запрокидываю голову. – Не знаю, что делать, обидеться или восхититься.

Он гордо скрещивает руки на груди и улыбается:

– Однозначно восхититься.

Я фыркаю, а затем поднимаю колбу, чтобы ополоснуть водой лицо. Мы с Леобеном провели большую часть недели вдвоем, пока Коул восстанавливался после травм. Ли заплетал мне волосы, пока заживало огнестрельное ранение в плече, а я будила его во время кошмаров. Но даже после недели жизни как брат и сестра он все еще не звал меня «Кэт».

Честно говоря, мне все равно, хотя я и не очень люблю кальмаров. Каждый из нас троих справляется с моей личностью по-разному. Коул молчит, Ли отпускает шуточки, а я делаю то же, что и всегда, – старательно выстраиваю крепость из отвлечения и отрицания.

Ведь благодаря этому я и пережила вспышку – целыми днями взламывала серверы «Картакса», помогая повстанцам «Небес» под руководством Новак распространять медицинские коды среди выживших на поверхности. Чем усерднее работала, чем дольше торчала в подвале хижины, где находилась лаборатория отца, тем меньше страдала, когда слышала, как вдалеке взрывались люди, или когда думала о том, что им приходится давиться кусками человеческой плоти ради иммунитета.

На этой неделе у меня не было недостатка в способах убить время. Приходилось постоянно следить за панелью Коула, пока его тело регенерировалось. А еще я тренировалась с Леобенем и читала документы, которые мы с Коулом забрали из хижины. Но при этом я почти не спала, почти не ела и старательно отгоняла лишние мысли. Вероятно, это не приведет ни к чему хорошему, но пока работает. Мне удастся отвлечься от того, что причиняло мне наибольшую боль.

Я почти не думала о зеленоглазом ребенке со шрамами на груди.

Цзюнь Бэй.

Она тень на окраине моих чувств, загадка, которую так и не удалось разгадать. Всю неделю я ждала, когда вернутся мои детские воспоминания, но они остаются расплывчатыми и разрозненными. Не уверена, удастся ли мне что-либо что-то вспомнить еще или этого не случится из-за моего страха увидеть большее. Мое детство напоминает черную дыру, на орбите которой я застряла. Мне не вырваться с нее, а если подойду слишком близко, то это может разорвать меня на части. И мне потребуется вся жизнь, чтобы восстановиться после того, что со мной сделали.

Но сейчас необходимо сосредоточиться. У меня слишком много работы. Судя по всему, после Саннивейла больше не было нападений. Ни на одной панели больше не загорелись оранжевые светодиоды, а люди не превращались в толпы безмозглых убийц из-за добавленного к вакцине от гидры кода. В «Картаксе» скрывают правду о произошедшем и продолжают вести ежедневные трансляции по совместной спутниковой сети, которую создали вместе с «Небесами». Каждое утро Дакс и Новак появляются на приборных панелях джипов, рассказывают об успешном применении вакцины и обещают, что впереди нас ждет новый, объединенный мир. А все выжившие продолжают праздновать окончание чумы – в бункерах и в каждом лагере выживших бушуют вечеринки.

И никто не знает, что в их панелях осталась скрытая угроза, настоящий враг.

Доктор Лаклан Агатта. Величайший в мире кодировщик гентеха и человек, которого я когда-то называла папой.

Три года я любила его и упорно ждала, когда он вырвется из рук «Картакса», забравшего его, а затем вернется домой. На моем лице все еще проступают его черты, а в клетках – его ДНК. И если верить тому, что он сказал мне в лаборатории, его мысли прорезают мое сознание. Я пока не понимаю, что это означает и почему он решил это сделать, но знаю, что эти перемены во мне были только началом плана. Присоединенная процедура, которую он добавил к вакцине, дала ему доступ к каждой панели на планете, а его цель ужаснее, чем превращение людей в монстров.

Исследования, которые Лаклан проводил на Коуле, выявили связь между геномом и инстинктами, что позволило определить ген, управляющий гневом – безотчетной яростью, скрытой внутри каждого из нас, закодированной в наших ДНК. Стоит только учуять резкий запах зараженного, ген активируется. А люди превращаются в безмозглых, кровожадных убийц. Лаклан думает, что с помощью вакцины может сделать человечество лучше. Он хочет навсегда перекодировать сознание каждого, насильственно стереть гнев из нашей ДНК.

Но мы не позволим этому случиться. Я лучше, чем кто-либо, знаю, каково это осознавать, что твой разум тебе не принадлежит, поэтому каждую минуту с тех пор, как узнала правду, проводила исследования, выстраивала планы и училась драться.

Потому что, как только мы подготовимся, сразу же отправимся на поиски Лаклана. А потом уничтожим его.

Я закрываю колбу и бросаю ее в заднюю часть джипа. В нескольких минутах ходьбы от нашего лагеря есть ручей, и мне хочется смыть с себя эту грязь прежде, чем я попытаюсь уснуть. Правда, переодеться не во что. Да и мыло с едой и исцеляющей сывороткой почти закончились. Скоро нам придется снова отправляться в путь, но мы все еще не знаем, где Лаклан. Лучшая из зацепок, что у меня есть, это сообщение Агнес, которое я получила после расшифровки вакцины. В нем говорилось, что ей удалось отследить его до Невады. С тех пор я пыталась связаться с ней каждый день, надеясь услышать ее голос и узнать, что у нее все в порядке, правда, пока так и не смогла дозвониться.

Но я уверена, мы найдем Лаклана. Он сам сказал, что ему нужна моя помощь, чтобы завершить план. Сейчас из-за вакцины он может подавить или пробудить инстинкт, как сделал с толпой в Саннивейле, но не может изменить его навсегда. Я единственный человек, который не умрет, если его ДНК перекодируют, поэтому Лаклан хочет использовать меня, чтобы перекодировать гены всех остальных. Чтобы изменить их сознание так же, как изменил мое. Конечно, преследовать его опасно, но, пока он жив, я буду лишь очередной пешкой на его шахматной доске.

У меня не остается выбора. Да и он сам хочет встретиться со мной. Хочет, чтобы я пришла к нему. Лаклан думает, что я действительно помогу ему, хотя мне эта мысль кажется нелепой.

Нам нужно быть осторожнее и не угодить в какую-нибудь ловушку во время поисков.

– Как сегодня твоя панель? – стаскивая с себя грязную майку, спрашивает Леобен.

Смуглая, покрытая шрамами кожа на груди поблескивает в неярком свете голубиных перьев.

Я опускаю взгляд на свою руку с грязными разводами. Резервный узел в моем позвоночнике превратился в совершенно новую панель – полосу пылающих кобальтовых светодиодов, которая тянется от локтя до запястья. Последние три года я верила, что у меня гипергенез, аллергия на наниты, которые требуются для большинства кодов гентеха. Я пережила вспышку с шестью жалкими алгоритмами, но теперь у меня их установлены тысячи: стимуляторы рефлексов, обезболивающие и даже код изменения формы бровей. Я могла бы кодировать без экрана и клавиатуры, и мой чип виртуальной реальности такой мощный, что может погрузить меня в полностью визуализированный мир.

Но я все еще не смогла заставить его работать.

Сейчас на панели работают те алгоритмы, что запускаются автоматически – исцеляющий код, фильтры органов чувств, даже стандартный набор изменения внешности, – но они не слышат меня. В моем черепе развернулась сеть из четырех миллионов наноэлектродов, записывающих электрические импульсы, которые проходят через мозг. Именно с помощью них перед глазами должен всплыть интерфейс коммуникатора по первому мысленному требованию, вот только панель все еще не составила шаблоны моих мыслей. Она не может понять, о чем я думаю сейчас: о коммуникаторе или функции ночного видения. Распознавание сигналов шло быстрее, пока я исцелялась от ранения, но затем установка замедлилась до черепашьей скорости. И теперь мне потребуются недели до полного контроля над алгоритмами...

Если только я не найду способ ускорить установку.

– Все еще не работает нормально, – говорю я, шаря рукой в задней части джипа и рыская под грудой вещей.

– Может, стоит отключить исцеляющий модуль? Если мы испугаем твою панель, она может снова ускориться, – говорит Леобен.

– У меня была подобная мысль, – доставая черный пистолет, соглашаюсь я. – Но мой план несколько примитивнее.

При виде оружия глаза Леобена сужаются. Это модель «Картакса» с глушителем, вкрученным в ствол, и перекодированным чипом прицеливания. Оружие заряжено обычными патронами – полыми полимерными пулями, начиненными исцеляющей сывороткой, которые оставляют только поверхностные травмы.

По крайней мере, они должны быть такими, если я не ошиблась в расчетах. Я их еще не тестировала.

Леобен впивается в меня взглядом:

– Ты серьезно?

– Это абсолютно безопасно.

Он фыркает и качает головой:

– По мне, так это звучит как предсмертные слова.

Он берет пистолет и вертит его в руках, взгляд Леобена становится отсутствующим. Его панель показывает данные с чипа прицеливания. Начальная скорость, отдача, имитация удара – все это отображается в виртуальном интерфейсе перед его глазами. Я бы тоже могла это видеть, работай моя панель. Но пока, когда я пытаюсь сосредоточиться на пистолете, вижу только искры от статики. Мои модули работают так – глючно и странно – всю неделю. И мне необходимо, чтобы они снова стали работать нормально. Мы ждали, пока заживут раны Коула, но ему уже стало лучше, и теперь мы торчим здесь из-за меня. Нет смысла бросаться вслед за Лакланом, пока моя панель не работает, и я не смогу кодировать.

Леобен проверяет патронник.

– Так какой у тебя план?

– Стреляй в бедро, – упираясь ногой в заднюю дверь джипа, отвечаю я. – С близкого расстояния, так точнее. – Я закатываю черные легинсы и указываю на алую метку, которую нарисовала на своей коже. – Я уже отметила нужное место, здесь ни артерий, ни костей. Только мышцы. А значит, потребуется всего дней пять, чтобы восстановиться. Этого должно хватить, чтобы панель установила все алгоритмы в ускоренном режиме.

Леобен стучит стволом пистолета по ладони.

– Это звучит безумно даже для тебя.

– У тебя есть идея получше?

Раздумывая, он склоняет голову в сторону.

– Вообще-то, да. Я могу выстрелить тебе в руку.

– Что? – Я отступаю на шаг назад и инстинктивно прижимаю руки к груди.

– Это безопаснее, – говорит он. – Если пуля вдруг разорвется в ноге, она может задеть артерию, а с рукой такого риска нет. К тому же там кости заживают быстрее, а исцеляющий модуль остановит кровотечение в считанные секунды. Давай, вытяни руку.

Я нерешительно смотрю на свои сжатые кулаки. План казался менее безрассудным, когда я раздумывала выстрелить в ногу. Рана в руке тоже должна ускорить установку алгоритмов панели, но кажется более пугающей и, безусловно, более болезненной. Вот только Леобен может передумать в любую минуту, а мне не хотелось бы делать это самой.

– Хорошо, – протягивая вперед левую руку, говорю я и выпрямляю пальцы, которые освещаются светодиодами панели. – Давай на счет пять...

Леобен нажимает на курок.

Выстрел из-за глушителя больше напоминает треск стекла, но все же пугает голубей в небе над нами. Они вырисовывают в небе спирали света, а их крики пронзают воздух, словно звуки града. Согнувшись пополам, я прижимаю руку к груди. Боль еще не вступила в свои права, но я чувствую ее приближение. Экстренные сообщения алыми буквами и с безумной скоростью возникают перед глазами. Показания артериального давления, оценка травм, уровень калорий. Мои модули приступают к работе, посылая адреналин в мышцы, отчего перед

глазами все то расплывается, то становится четким. Я втягиваю воздух сквозь стиснутые зубы, а затем смотрю на свою руку, чтобы оценить повреждения.

Но там нет никакой раны.

Леобен запрокидывает голову и хохочет:

– Видела бы ты сейчас свое лицо!

Я поднимаю глаза, чувствуя, как все тело сотрясает дрожь.

– Какого черта, Ли?

– Да я бы ни за что не стал в тебя стрелять, кальмар.

Я бросаюсь вперед, чтобы врезать ему по руке, но тут вдалеке эхом разносится взрыв, и от этого у меня перехватывает дыхание.

Леобен выглядит так, словно ничего не заметил. А я застываю и старательно прислушиваюсь к звуку, который отражается от холмов. Кто-то другой принял бы его за выстрел, но я столько раз слышала его, что он отпечатался в моей памяти.

В этот раз он прозвучал тихо, и его приглушили крики голубей, но звук очень уж напоминал взрыв облака гидры.

– Что случилось? – спрашивает Леобен.

– Я кое-что услышала. А ты?

– Эти птицы просто сводят с ума мои звуковые модули. Что ты слышала?

– Взрыв.

Улыбка Леобена исчезает, а глаза стекленеют, сканируя деревья. И тут вдалеке раздается еще один взрыв.

– Этот я слышал, – выдыхает он.

Я поворачиваюсь и бросаюсь к деревьям. Сообщения вспыхивают перед моими глазами, пока я мчусь через лес и вверх по грязному склону. Панель автоматически запускает аварийные модули, освещая тропу. Леобен следует за мной по пятам, а когда я достигаю развилки, мы бок о бок направляемся на смотровую площадку на гребне холма. Я бежала по этой тропинке много раз, высматривая на небе квадрокоптеры «Картакса», чтобы они не нашли нас, но никогда не искала дурманщика.

Вакцина расшифрована. Вирус уничтожен. Никто больше не должен взрываться.

Мы вместе ломимся сквозь деревья и оказываемся на вершине холма у самого края скалы. Последние лучи солнца исчезли за горизонтом. Отсюда виднеются три остроконечных, словно пила, вершины горы и бескрайний еловый лес на юге. Я откидываю волосы с лица и ищу дымку. Стая голубей напоминает извивающееся и скручивающееся облако света, пробивающееся сквозь полог леса, но нет никаких признаков облака.

Перед глазами все мерцает, и я тру их, чтобы мой модуль вновь перешел в режим ожидания, но он не реагирует. Панель обращает внимание на уровень адреналина, а не на мои мысли. Она все еще считает, что я в опасности.

Хотя, может, так и есть.

Если это взорвались дурманщики, то у них, скорее всего, была установлена вакцина. Я создала код, благодаря которому в «Картаксе» смогли загрузить ее в каждую панель на планете. Конечно, на поверхности оставалось несколько выживших без панелей в руках, но с трудом верится, что двое из них взлетели на воздух рядом с нашим лагерем. А если это действительно облака гидры, то вакцина больше не работает.

Но мне даже не хочется думать об этом.

– Я ничего не вижу, – вновь потирая глаза, говорю я. – Не знаю, дело в моих модулях или нет. Панель все еще не реагирует на мои команды.

Леобен подходит к краю обрыва и всматривается в горизонт. Он проверяет тепловые сигнатуры и тестирует воздух на аномальные показатели. Если облако есть, то панель вычислит его.

– Ничего, – говорит он. – Но это определенно был взрыв. Правда, слабее, чем от дурманщиков. Скорее, напоминало взрывчатку.

– Но почему их было два и они произошли именно сейчас?

Мы одновременно поворачиваемся друг к другу.

– Дерьмо, – выдыхаю я. – Коул.

Леобен разворачивается так быстро, что это движение едва различимо, а затем молниеносно бросается к деревьям и несется вниз по тропе. Я мчусь за ним, мое сердце бьется, а перед глазами возникает сообщение о новой порции адреналина в крови. Я не смогла определить по звуку, где произошли взрывы. Может, в соседнем лагере, а может, и в лаборатории. Но Коул мог пострадать. От этой мысли что-то разрывается внутри меня и тело пронзает такая же реальная боль, как от раны.

Я пытаюсь связаться с Коулом, но слышны только помехи.

– Ты можешь с ним связаться? – кричу я Леобену.

– Он недоступен, – влетая в лагерь, отвечает парень. – Отправляйся к точке сбора! – Он срывает брезент с джипа и захлопывает задние двери. – Я побегу по тропе на всякий случай.

– Нет, – задыхаясь, выдавливаю я и съезжаю по склону. – Я побегу. Панель все еще не работает. Я не смогу управлять джипом. Давай ты.

Леобен хмурится, но кивает и забирается на водительское сиденье.

– С ним все в порядке, кальмар. Будь осторожна.

– И ты, – говорю я.

Он вырывается с поляны по грязным следам шин, которые ведут к грунтовой дороге, петляющей вокруг лаборатории. Именно там точка сбора.

Коул услышит взрывы и будет ждать нас там. Должен ждать.

Я несусь по смятому брезенту к просвету между деревьями, который ведет к нашему наблюдательному пункту. Леобен и Коул проводили там по очереди все это время, наблюдая за лабораторией на тот случай, если там появится Лаклан. Как только я покидаю лагерь, тропа резко устремляется вниз и петляет по скалистому, заросшему деревьями склону. Я быстро спускаюсь по ней, пробираясь сквозь деревья, и тут замечаю фигуру у подножия.

Человека, который стоит на коленях на земле. Темные волосы, черная куртка.

– Коул! – кричу я и мчусь к нему.

Он на земле. Надо было взять аптечку.

– Коул, ты как?

Человек встает и поворачивается ко мне. Я останавливаюсь. Это не Коул. Это Цзюнь Бэй.

Глава 2

Лес словно смолкает, а время замедляется. Цзюнь Бэй смотрит прямо на меня, и я чувствую, как внезапно перехватывает дыхание. Это она. Зеленые глаза, черные волосы, худые плечи под мужской курткой, свисающей до колен. Она делает шаг ко мне, а я отшатываюсь назад, ошеломленная напряжением в ее глазах. Ее взгляд пронзительный и острый, словно лезвие бритвы. Она смотрит на меня, а затем хмурится и вглядывается в деревья...

А затем вдруг исчезает.

На месте, где она только что стояла, ничего нет. Я оборачиваюсь и осматриваюсь, но ее нигде не видно. Ни следов на траве, ни грязи. Ничего, кроме деревьев, травы и покрытых мхом скал, скрывающихся под промокшим от дождя покровом леса.

– Черт побери, – сгибаясь пополам и упираясь руками в колени, выдыхаю я.

Кажется, сейчас мне даже хуже, чем после падения на тренировке с Леобеном. Должно быть, это сбой в VR². Панель глючила всю неделю, но такого еще не было. Это не просто включение ночного видения в неподходящий момент или помехи в аудиофильтрах. Это трехмерное отображение человека прямо передо мной. Идеального до мельчайших деталей. Распушенные волосы до плеч, бледная кожа, румянец на щеках.

Она выглядела очень реалистично.

Я прижимаю руки к глазам, пока не появляются неоновые пятна. А в это время в голове вспыхивают разрозненные воспоминания: лаборатория, лес, другие дети. Провода и скальпели, ремни и серые одеяла, от которых чесалось все тело. Я отбрасываю их, вжимая ногти левой руки в ладонь. Меня не волнует, что этому трюку меня научил Лаклан, потому что сейчас важнее то, что эта боль заглушает ураган, бушующий во мне, и возвращает самообладание. За спиной раздаются шаги, и я оборачиваюсь, а затем хватаюсь за пистолет, когда вижу какую-то фигуру между деревьями.

Черная куртка, рюкзак за спиной и винтовка в одной руке. Сверкающие светло-голубые глаза встречаются с моими, и адреналин, бегущий по венам, растворяется от облегчения.

– Коул, – выдыхаю я и устремляюсь к нему.

Он раскрывает объятия и смущается, когда я бросаюсь на него и обхватываю руками за шею.

– Привет, – бормочет он, покачнувшись от моего веса. – Ты в порядке?

Я просто киваю и крепче сжимаю его в объятиях. Он весь день провел в лесу на наблюдательном пункте, и от него пахнет землей и дождем, а еще еле уловимо им самим. Этот запах для меня словно маяк в шторм. Такой родной. Мы перекинулись всего парой слов за несколько дней, не говоря уже о прикосновениях. Я спала в джипе Леобена почти все это время, чтобы не беспокоить Коула, пока он исцелялся, но теперь это решение кажется глупым. Потому что даже от этих объятий мои бушующие мысли успокаиваются.

Он отстраняется и смотрит на меня сверху вниз.

– Что ты здесь делаешь?

– Мы слышали взрывы. Я думала, ты ранен.

– О, конечно, – более спокойным голосом произносит он. – Они были к югу отсюда, около лагеря выживших. Я решил, что это фейерверки.

Фейерверки. Я приглушенно хмыкнула.

– Не верится, что мы об этом не подумали. И отправились спасать тебя.

² Virtual Reality (англ.) – виртуальная реальность.

– Ну-у, – тянет он и отступает назад, чтобы осмотреть меня целиком, останавливаясь взглядом на ушибленных руках и том месте, где должна висеть моя кобура, – похоже, ты просто перетренировалась.

Я закатываю глаза и отмахиваюсь от его слов. А он улыбается и проводит рукой по темным взъерошенным волосам. Они уже падают на глаза, потому что исцеляющая технология, которая отвечает за регенерацию клеток, влияет и на их рост. Большую часть недели он провел в медикаментозной коме, восстанавливаясь от полученных во время взрыва травм, и только сейчас начал набирать вес, который потерял за это время. Но его глаза цвета неба в ясный день летнего солнцестояния совсем не изменились. И от того, что я просто смотрю в них сейчас, я чувствую, как сдавливает грудь.

– Ты уверена, что в порядке? – спрашивает он.

Я оглядываюсь на то место, где из-за сбоя VR стояла Цзюнь Бэй. Мне хочется рассказать об этом Коулу, но я все еще не отошла от потрясения. И сомневаюсь в том, что я видела, и тем более в том, что чувствовала.

– Все отлично, – наконец выдавливаю я. – Ли, наверное, волнуется. Он поехал на точку сбора.

Коул кивает с остекленевшим взглядом:

– Я свяжусь с ним. Вечером я засек новый сигнал из лаборатории, но так и не смог в нем разобраться. У Ли это получается лучше. Я скажу ему, чтобы он все проверил.

По нашим наблюдениям, солдаты «Картакса» вынесли из лаборатории все оборудование, чтобы изучить его. Они также забрали обломки взорванного генкита и тело человека-марионетки, которого я приняла за Лаклана. Мы прятались от них, хотя на самом деле они нам не враги. Они хотят остановить Лаклана, и мы хотим того же. Возможно, нам придется работать вместе. Мы с Ли даже как-то хотели сдать «Картаксу», пока модули Коула пытались исцелить его. Но мы не знаем, как там отреагируют на то, кто я, или на то, что без меня Лаклан не сможет осуществить свой замысел. Они могут запереть меня и никогда не выпустить. Или просто убить. Ведь это самый простой и логичный способ остановить Лаклана.

– Ли сказал, что все проверит, – говорит Коул.

– Может, нам тоже туда поехать? – спрашиваю я. – Если в лаборатории появился новый сигнал...

– Все в порядке, – моргнув, чтобы закончить сеанс VR, отвечает Коул. – Думаю, это был просто кондиционер.

Я хмурюсь:

– Тогда почему ты попросил Ли проверить лабораторию?

Коул улыбается и убирает волосы с моего лица.

– Захотел остаться с тобой наедине.

Мои щеки начинает покалывать от жара.

– Коул, у нас так много дел.

Он наклоняется и прижимается губами к моей шее.

– Например?

Я с улыбкой отталкиваю его.

– Ну, прочитать записи Лаклана, составить список того, что потребуется, чтобы выследить его. И знаешь, спасти мир.

Его взгляд опускается на мои губы.

– Мир подождет.

Я уже открываю рот, чтобы начать спорить, но вместо этого притягиваю его к себе.

Это не идеальный поцелуй. Мы просто два уставших человека, на которых навалился миллион проблем, занимающий все мысли. Столько еще предстоит сделать, и в том числе разобраться с тем, что таится в глубинах моего разума, но один легкий поцелуй Коула делает все это

неважным. Когда его рука скользит по моей талии, плечи расслабляются, а дыхание сбивается. Он отклоняет меня и продолжает поцелуй, а я сжимаю его темные вьющиеся волосы, чтобы притянуть ближе. Рычание вырывается из его горла. Коул кидает рюкзак на землю и толкает меня к дереву, пока мои лопатки не упрутся в кору.

– Я схожу с ума от того, что ты рядом, – шепчет он, спускаясь поцелуями по моей шее.

Его руки скользят по моим бедрам, и он плавно поднимает меня и прижимает к дереву. Жар пронизывает мое тело, ноги инстинктивно обхватывают его талию.

– Как только все закончится, я увезу тебя. Мы исчезнем на целый месяц.

– Да? – с улыбкой спрашиваю я, когда его поцелуи очерчивают мою шею. – И куда мы отправимся?

– На пляж, – без колебаний отвечает он. Его губы замирают на ямочке между ключицами. – Куда-нибудь подальше, где тепло. Я подумывал об Австралии.

Я запрокидываю голову, когда его щетина щекочет мою кожу.

– Кажется, ты уже все продумал.

– Да, – выдыхает он, целуя меня в подбородок. – Я даже могу представить, как это будет выглядеть. Уединенное местечко, где будем только мы вдвоем. Мы просто исчезнем. Множество людей захотят поступить так же, как только откроют бункеры. Будет несложно затеряться в толпе.

Я смотрю на него сверху вниз.

– Этого ты хочешь, как только мы разберемся с Лакланом? Исчезнуть?

Он отстраняется, чтобы посмотреть на меня.

– Конечно. Я больше не хочу работать на «Картакс», не сейчас, когда у меня есть ты.

– Да, знаю, – говорю я, а затем убираю ноги с его талии. Он опускает меня на землю, его щеки пылают. – Но это не значит, что мы должны прятаться.

Он хмурится:

– Они от нас не отстанут, Кэт. Мы нужны им независимо от того, существует ли вирус, с которым нужно бороться. Но я не позволю им снова проводить на мне эксперименты.

– Нет, конечно, нет... – замерев, бормочу я.

Я не думала об этом. И вообще не думала ни о чем другом, кроме поимки Лаклана. Но Коул прав, конечно, в «Картаксе» не захотят нас отпускать. Моя естественная ДНК может меняться. Мое тело, мои клетки, даже мой разум можно изменить, что делает меня уникальной. Код гентеха напоминает маску – он вносит изменения в работу генома, но не может повлиять на сущность, и это ограничивает его возможности. Может изменить только внешность. Способность изменять собственную, естественную ДНК произвела бы революцию в гентехе.

И эта способность скрыта внутри моих клеток. Конечно, ученые «Картакса» захотят изучить меня. Поэтому теперь мне придется всю жизнь скрываться и бегать от них.

Не в таком будущем мне бы хотелось оказаться.

– Прости, – говорит Коул. – Мне не следовало об этом говорить.

Я потираю шею.

– Нет, ты прав. Нам придется прятаться. Мы никогда не станем свободными.

Он прикасается к моей щеке.

– Мы выстроим свою жизнь, обещаю. Куда бы ты хотела отправиться, когда все закончится?

– Я... я даже не знаю. Думаю, мне понадобится лаборатория. Мне бы хотелось продолжать кодировать.

Несмотря на то что последние три года моей жизни оказались пропитаны ложью, у меня все еще сохранилось несколько любимых воспоминаний – например, то, где мы работали с Лакланом и Даксом в хижине. Как кодировали вместе и обсуждали гентех. Я всегда думала, что в один прекрасный день после вспышки вновь смогу насладиться этим.

Но если мы с Коулом скроемся, я не смогу найти себе напарника для кодирования. Возможно, у меня больше никогда не появится такой возможности. И от этой мысли я неожиданно чувствую сильную, ноющую боль.

– Мы найдем тебе лабораторию, – говорит Коул.

Прикусив ноготь, я киваю, а затем мой взгляд скользит по поляне за его плечом, и воздух застывает в легких.

Из-за деревьев выступает металлическая конструкция. Не знаю, как не заметила ее раньше. Она напоминает опору линии электропередачи. Шесть метров стальных балок и заклепок. Но почему-то она кажется мне знакомой, и это пугает.

Я не видела ее раньше, потому что ее *там* не было. Это снова глюк модуля VR.

– Что случилось? – спрашивает Коул.

Его глаза стекленеют. А затем он смотрит туда же, куда и я, и застывает при виде опоры.

– Так ты тоже это видишь? – спрашиваю я.

Он бросает на меня настороженный взгляд.

– Твоя панель передает открытый сигнал. Что это такое?

– Я не знаю. Думаю, очередной глюк модуля. Что-то подобное было минуту назад.

Я пытаюсь вызвать меню панели, но перед глазами возникает только небольшое мерцание. Опора все еще возвышается над нами, а воздух наполняется электрическим гулом. Я понимаю, что это не происходит в действительности, но все равно вздрагиваю от страха, когда рядом со мной появляется бледная фигура.

Догадываюсь, кого увижу, собираюсь с силами и оборачиваюсь.

Цзюнь Бэй вернулась и стоит посреди поляны. Ветер треплет ее длинные черные волосы. На ней все та же куртка поверх белой больничной рубашки и поношенные черные сапоги. На щеке выпавшая ресница, а на ногах еле заметные темные волоски. Рукав куртки сползает вниз, когда она поднимает руку, чтобы убрать волосы с лица, и кобальтовые светодиоды освещают изгиб ее лица.

Она выглядит такой живой.

Коул замирает рядом со мной, широко раскрыв глаза. Цзюнь Бэй дрожит, ее руки крепко сжимают куртку на плечах. Белые крапинки проносятся по ее лицу и застревают в волосах. Снег. Он кружит в воздухе, разлетаясь в разные стороны, и уже через мгновение падает на нас. Ветер проносится по поляне, Цзюнь Бэй дрожит. Она вытирает нос тыльной стороной ладони, а затем морщится и пронзительно чихает.

Мое сердце сжимается. Она еще ребенок.

Ей, наверное, лет четырнадцать или пятнадцать. Испуганная и одинокая. Она вдруг кажется мне такой хрупкой. На ее шее красные шрамы, на запястье повязка.

Это Лаклан сделал с ней. Он причинил ей боль. Он разрезал ее. Какой монстр мог так поступить с ребенком?

– Зачем ты мне это показываешь? – спрашивает Коул дрожащим голосом.

Он выглядит так, словно я вскрыла старую рану.

– Это... это не я. Я не знаю, что происходит, – говорю я.

Цзюнь Бэй скрещивает руки на груди, стараясь согреться. Она поднимает голову и всматривается в деревья позади нас, а я оборачиваюсь и смотрю в направлении ее взгляда. Кто-то есть в лесу, кто-то идет по тропе. Тени мелькают между ветвями, ветер доносит шорох шагов. Метель кружит по лесу, показывается наступающий отряд охранников в черной форме «Картакса». Коул сжимает мою руку, когда позади них появляется еще одна фигура.

Лаклан.

Несмотря на тусклый свет, я мгновенно узнаю его. Эти глаза, подбородок, растрепанные волосы. Те же черты, что запечатлены в моих костях и ДНК. У меня перехватывает дыхание, как только он оказывается в поле зрения. Этот человек забрал мою жизнь – он скормил мне

ложь, изменил мое лицо и искромсал мою личность на множество кусков. Всю неделю мы обсуждали, как убьем его, и казалось, что при виде Лаклана я тут же схвачусь за пистолет. Думала, что сразу же почувствую всепоглощающую ярость.

Но все оказалось не так просто.

Лаклан внимательно осматривает поляну своими серыми глазами, и при виде Цзюнь Бэй его левая рука начинает подрагивать. Это нервный тик, который я не раз видела в хижине. Он появляется, когда Лаклан чем-то расстроен. И сейчас, при виде этого, что-то отзывается внутри. Я злюсь, но в то же время чувствую сильную, ноющую боль.

Лаклан не просто забрал мою личность. Он забрал любимого папу.

– Все в порядке, он ненастоящий, – прижимая меня к себе, говорит Коул.

Его тело словно камень, а глаза сверкают, когда Лаклан проходит мимо нас. Коула охватывает ярость – и я чувствую, как она заполняет воздух. Я знаю, что он хочет убить Лаклана. И ничто не смогло бы удержать его, если бы тот действительно сейчас оказался здесь. Это нормальная, естественная реакция, и я думала, что буду чувствовать нечто подобное. Но ведь прошла всего неделя с тех пор, как я звала этого человека папой. Я три года любила, боготворила его и гордилась тем, что похожа на великого доктора Лаклана Агатту. И при этом знаю, что он опасен, и ненавижу его за то, что он сделал со мной.

Но не уверена, что смогла бы убить его.

– Снова убегаешь? – вышагивая по траве, спрашивает Лаклан.

Охранники встают полукругом за его спиной и вскидывают винтовки. Я не понимаю, почему Цзюнь Бэй не бежит, пока не замечаю, что от металлической опоры выются тонкие, словно дым, синие струйки, потрескивающие электричеством. Трифазы. Облако из управляемых магнитами нанитов, которые были созданы для уничтожения органических веществ. Это то самое оружие, которое Новак использовала, чтобы заставить нас поехать в Саннивейл, но я никогда не видела, чтобы трифазы выглядели так. Светящиеся жгуты струятся из опоры между деревьев к другим опорам, которые загораются у меня на глазах. Вместе они образуют непрерывную, колышающуюся реку света.

Это ограждение. Барьер, который они выстроили вокруг лаборатории, чтобы не дать нам сбежать.

Он в нескольких метрах за спиной Цзюнь Бэй, но ее волосы колышутся от электричества в воздухе.

Когда охранники и Лаклан останавливаются неподалеку от нас, Коул крепче обнимает меня.

– Передай, чтобы отключили ограждение, – говорит Лаклан одному из охранников.

На миг воцаряется тишина. А затем тонкие струящиеся тросы затихают. Земля под ними обуглилась, и черная дымящаяся линия прорезает снег.

Цзюнь Бэй поворачивается, чтобы осмотреться, но все равно стоит на месте.

– Возвращайся, – говорит Лаклан. – Тебе некуда идти.

– Я что-нибудь придумаю, – бормочет она.

– Нет, не придумаешь, – возражает он. – Есть люди, готовые на все, чтобы заполучить ваши дары. Ты везде будешь пленницей. Я знаю, что на самом деле тебе не хочется убежать, иначе бы ты уже ушла. Ты понимаешь, что это самое безопасное для тебя место.

С его губ срывается тихий, горький смешок, когда она поворачивается к Лаклану. А затем девочка поднимает руку и оттягивает воротник больничной рубашки, демонстрируя красные и фиолетовые шрамы.

– Это ты называешь «безопасным»?

– Наши исследования важны, дорогая, – говорит Лаклан. – И, уверен, ты сама это понимаешь.

Она качает головой:

– Ты ничего обо мне не знаешь. – Ее голос дрожит, а блестящие волосы падают на лоб. – Ты меня совершенно не знаешь. Никто из вас не знает. Никто не знает меня.

– Цзюнь Бэй... – начинает Лаклан, и его голос становится строже, но она поднимает руку:

– Ты прав в одном, – говорит она. – Я не хочу убегать. Я пришла сюда сегодня потому, что хотела, чтобы ты посмотрел на это.

Ее взгляд становится стеклянным, а жгуты вновь разгораются позади нее. Я в замешательстве смотрю, как она моргает, разрывая сеанс. Она включила ограждение, но я не понимаю, зачем она это сделала. Она же пыталась сбежать. И, скорее всего, продумала план побега и вооружилась. Нашла способ пробраться мимо охранников. Но вместо этого она сжимает руки в кулаки и поворачивается к струям света. Коул крепче сжимает меня в объятиях, и осознание обрушивается на меня, вызывая тошноту.

Она пришла сюда не для того, чтобы сбежать. Она пришла сюда умереть.

– Остановите ее! – ревет Лаклан, и стража бросается вперед.

Но и Цзюнь Бэй не стоит на месте.

Ее глаза зажмурены, волосы развеваются на ветру. Она быстрая, но маленькая, и охранники настигают ее. Руки в перчатках хватают девочку за запястья, за волосы, отрывают ее от земли.

– Отпустите! – кричит она, вырываясь из рук.

Она ударяет одного охранника по каске, другого бьет локтем в горло, только их слишком много. Один из них спотыкается и падает на ограду, и половина его тела развеивается пеплом по ветру. Но остальные опрокидывают Цзюнь Бэй на землю и оттаскивают от синего колышущегося ограждения, пока она кричит от ярости.

– Успокойте ее! – кричит Лаклан. – Быстрее!

Охранники крепче сжимают тело девочки. Один из них достает из кармана пузырек.

И тут она внезапно перестает сопротивляться.

Взгляд становится стеклянным. Губы бесшумно двигаются, словно она кодирует, и от этого у меня на затылке волосы встают дыбом. Я не знаю, что она делает, но чувствую что-то... тень воспоминания в моей памяти. Что-то жестокое и отчаянное. Что-то серьезное.

Цзюнь Бэй смотрит в глаза Лаклана и нашептывает команду, а затем солдаты падают на землю.

Глава 3

Я зажмуриваюсь и закрываю лицо руками. Воспоминания врезаются в меня, словно метеориты в землю. Ограждение. Охранники. Взлом их панелей. Видение с Цзюнь Бэй исчезло, но образы продолжают мелькать в голове.

Коул сильнее сжимает меня в объятиях, когда мои ноги подгибаются, а перед глазами начинают плясать серебристые блики.

– Посмотри на меня, – уговаривает он. – Посмотри мне в глаза. Я здесь. Я реальный.

Я сжимаю его футболку в руках, пытаюсь сделать вдох, но легкие не слушаются. Я всю неделю пыталась держать свое прошлое под замком, но когда увидела Цзюнь Бэй такой, что-то расколослось внутри. Дверь в детство открылась, а стены осыпались. Тело дрожит, воспоминания о скальпелях и проводах проносятся в голове, как стая перепуганных птиц.

– Это лишь видение. – Голос Коула дрожит. Он обхватывает мое лицо руками и прижимается лбом к моему. – *Кэт*, пожалуйста, возвращайся ко мне.

Я моргаю, разгоняя серебристые блики у меня перед глазами, и смотрю на него. Мое имя на его губах словно маяк для корабля в шторм. Его светло-голубые глаза прикованы к моим, и как только наши взгляды встречаются, я снова могу дышать. Ураган воспоминаний стихает, а перед глазами все проясняется. Я смотрю на то место, где стояла дрожащая Цзюнь Бэй, и у меня возникает мысль: «Это была не я».

И от этой мысли по телу проносится волна ужаса. Девушка, которую я только что видела на поляне, не походила на другую версию меня – она выглядела как совершенно другой человек. Это было заметно в выражении ее лица, в ее позе, в ее поджатых губах. Я думала, что держала свое прошлое под замком из-за страха, что воспоминания окажутся болезненными, но теперь уже не так уверена в этом.

Может, меня пугала мысль, что эти воспоминания на самом деле вовсе не мои.

– Я не... она, – глядя на Коула, шепчу я.

Знаю, что он тоже видит... правду, с которой мне не хотелось сталкиваться. Я думала, что смогу запереть прошлое в дальнем углу, чтобы сосредоточиться на поимке Лаклана, но это оказалось безумной затеей. Лаклан сказал мне, что дал мне свой интеллект – скрестил мой разум со своим, – но мне все еще не хочется в это верить.

И теперь я чувствовала разрастающиеся противоречия внутри. Стену между ее прошлым и моим настоящим.

– Я знаю, что ты не она, – шепчет Коул. Его пальцы дрожат, когда он обхватывает мой затылок и прижимает меня к себе. – Ты такая, какая есть, Кэт. И не должна забывать об этом. Просто оставайся такой, какая ты есть.

Я закрываю глаза и прижимаюсь лицом к его плечу. Я все еще пытаюсь отдышаться и успокоить бешеный пульс. Уверена, Коулу было так же тяжело смотреть на это видение, как и мне, и я не понимаю, как он держится. Юноша делится со мной своими силами прямо сейчас, поддерживает меня. И только благодаря ему я все еще стою на ногах.

– Пойдем, – отстраняясь, говорит он и крепко сжимает мои руки. Коул бросает взгляд на траву, где охранники повалили Цзюнь Бэй. – Давай спустимся к ручью, чтобы ты могла умыться. Нам вдвоем здесь не по себе.

Он закидывает рюкзак на плечо, не выпуская моей руки, и даже простого соприкосновения наших ладоней достаточно, чтобы успокоить меня. Он уводит меня с поляны, и, пока мы идем между деревьями, Коул остается все таким же молчаливым и напряженным.

– Не этого ты ожидал от возможности побыть со мной вдвоем? – спрашиваю я.

Он издает смешок:

– Да, точно не этого.

Мы спускаемся со склона. Петляющий по заросшим мхом валунам ручей глубиной по колено. Коул расслабляется, как только мы приближаемся к нему. Он бросает рюкзак у кромки воды, снимает и аккуратно складывает куртку, кладет ее на каменистый берег. На нем остается лишь майка с белыми рогами «Картакса» на груди, из-под которой виднеются шрамы. Его черные матовые лей-линии вьются по коже от панели к внешним уголкам глаз.

– Я должен был предупредить тебя о таких записях, – говорит он. – Ты найдешь еще подобные на панели после полной ее установки.

Я опускаюсь на колени у ручья и погружаю руку в воду, пытаюсь смыть грязь.

– Что это было?

Коул подтягивает штанины и садится на корточки рядом со мной.

– Это была VR-запись, воссозданная из видеоархивов. Мы делали такие, чтобы сохранять моменты, которые не хотели забывать. Иногда Лаклан стирал наши воспоминания, и мы возвращались с экспериментов, которые длились несколько дней, не зная, что происходило последние несколько недель.

Я замираю и просто смотрю на него несколько мгновений.

– Это ужасно.

Он зачерпывает воду из ручья и брызгает себе на лицо.

– Иногда воспоминания не стоят той боли, которую они в себе несут, – отвечает он. – Все, что считали важным, мы зашифровали и сохраняли в VR.

– Так у тебя тоже есть подобные VR-записи? – спрашиваю я.

Он качает головой, а затем снова зачерпывает воду и брызгает себе на лицо.

– Больше нет. Когда я присоединился к программе тайных агентов, все данные с моей панели полностью стерли. Так же как у Ли и Анны.

Он говорил об Анне Синклер. Светловолосой девушке, чье досье лежит в моем рюкзаке, чье лицо не раз всплывало в бесчисленных воспоминаниях из нашего детства в лаборатории.

– Они стерли твои файлы? Все до одного?

– Я сам им разрешил.

И тут меня осеняет:

– Так ты не видел Цзюнь Бэй... несколько лет.

Он качает головой с горькой улыбкой на лице:

– Я не видел ее с той ночи. Именно тогда она и сбежала. Я присоединился к программе тайных агентов через пару месяцев после этого.

Я раскачиваюсь на пятках, пока в голове прокручиваются кадры с Цзюнь Бэй – отчаяние в ее глазах. Как охранники повалили ее на землю. Я опускаю руки в воду и брызгаю себе на лицо, смывая грязь с кожи.

– Она убила тех охранников, да? – спрашиваю я.

Тень мелькает на лице Коула.

– Да.

Я закрываю глаза и выдыхаю. Когда Коул сказал мне, что Цзюнь Бэй убила четырнадцать человек во время побега из лаборатории, я решила, что она застрелила их.

Но оказалось, что она использовала для этого свой разум.

Я видела на записи, как шевелились ее губы. Она кодировала. Похоже, она атаковала их панели через беспроводное соединение и зачала им кусок кода, который мгновенно убил их. Считается, что такой код создать невозможно, но, видимо, это не так.

Должно быть, Цзюнь Бэй написала «Косу смерти».

Два «Святых Грааля» генхакеров, которые никто и никогда не мог написать, или, по крайней мере, мне так казалось, это «Коса смерти» и «Амброзия». Алгоритм, способный убить людей, и алгоритм, способный остановить смерть. Над другими сложными головоломками –

рак, старение, слабоумие – бьются, и вполне успешно, множество лабораторий и лагерей генхакеров по всему миру.

Но люди неохотно соглашаются на тестирование алгоритмов, связанных со смертью. До меня доходили слухи о других «Косах смерти», но я никогда им не верила. У гентеха уровень биологической защиты больше, чем у ядерного оружия. В каждую панель встроены миллиарды систем безопасности, которые остановят запуск смертоносного кода.

Но Цзюнь Бэй, видимо, нашла способ обойти их, когда была еще ребенком. Я сама только что видела, как она убила четырнадцать человек одной командой.

Коул тянется к своему рюкзаку, достает из него фляжку и опускает ее в ручей, чтобы наполнить.

– Я и не знал, что она находилась на грани срыва. Думал, она хотела сбежать, но на записи все выглядело совершенно по-другому. Должно быть, убив тех солдат, она запаниковала и убежала. Она даже вещи с собой не взяла. А ведь было холодно. Не представляю, как ей это удалось.

Я достаю руки из воды и вспоминаю, как кружился снег в воздухе на записи.

– Значит, это случилось зимой?

– В декабре, – достав фляжку из ручья, говорит Коул.

– Понятно, – задумавшись, бормочу я.

Мне удалось выстроить примерную временную шкалу моего прошлого с того момента, как Лаклан изменил меня. Это примерно совпадает с его уходом из «Картакса», что произошло в середине июля. Те воспоминания сумбурные – я помню, как сражалась с ним и пыталась вырваться, но каждый фрагмент того времени освещен ярким летним солнцем.

Цзюнь Бэй убежала из лаборатории зимой, но следующее воспоминание появляется спустя целых полгода.

Пропали шесть месяцев моей жизни.

– Сколько мне лет? – шепчу я.

– Восемнадцать, – говорит Коул. – Как и всем нам. Ты же знаешь.

Я поднимаюсь, чувствуя, как подкашиваются ноги и к горлу подступает тошнота.

– Нет, я думала, что мне шестнадцать. Даты не совпадают. Шесть месяцев жизни выпадают. Я не знаю, что произошло после того, как Цзюнь Бэй сбежала из лаборатории, и до того, как я оказалась в хижине.

Глаза Коула сужаются:

– Ты уверена?

Мои руки дрожат.

– Я не могу вспомнить ничего, что связано с тем периодом. И понятия не имею, где была.

– Эй, – потянувшись ко мне, говорит он.

Но тут у меня перед глазами что-то вспыхивает, и я спотыкаюсь на камнях. Коул испуганно хватается за плечо.

– Кэт, с тобой все в порядке?

Его лицо расплывается и становится нечетким, а над его головой высвечивается его имя, ниже мигает значок коммуникатора.

– Черт, – выдыхаю я с облегчением.

Я уж подумала, что вновь увижу одну из VR-записей Цзюнь Бэй. И именно этого ожидала... но, похоже, моя панель наконец-то заработала. Пытаюсь вызвать меню, и оно тут же вспыхивает перед глазами, а папки и файлы парят в воздухе, словно их приклеили к изогнутой стене.

– Что случилось? – спрашивает Коул.

– Все в порядке. Панель заработала.

Я погружаюсь в сеанс VR и прокручиваю файлы. Там множество фотографий, видео и сотни текстовых записей с кодами гентеха и пометками, датированные разными годами. Половина из них защищена паролем. Их можно взломать, правда, это займет много времени. Но главное, что они вообще есть.

Каждый файл, написанный Цзюнь Бэй, хранится у меня в руке.

Коул открывает рот, чтобы ответить, но замирает и смотрит на деревья позади меня. Я поворачиваюсь и тоже смотрю туда. За моей спиной простирается лес, в небе парят голуби, а вокруг царит темнота. Сквозь кроны и листву виднеется огонек, а кроме пронзительных криков птиц слышится глухой стук.

Это «Комокс». Люди «Картакса» нашли нас.

Глаза Коула заливают чернота. Его защитные инстинкты больше не зашкаливают и теперь полностью находятся под его контролем. Он подхватывает винтовку и рюкзак.

– Беги к дороге, – говорит он. – Ли едет за нами.

Он срывается с места, и я мчусь за ним, направляясь к грунтовой дороге, которая огибает лабораторию. Деревья расплываются по краям. Еще неделю назад я бы ни за что не смогла бежать так быстро, но мои ноги стали сильнее. Они усовершенствованы алгоритмами, а кровь благодаря нанитам наполнена кислородом. Мы мчимся через сосновую рощу, вылетаем на дорогу и останавливаемся, когда джип Леобена с визгом тормозит возле нас. Я бегу к нему, слыша, что «Комокс» приближается, но Леобен выскакивает мне навстречу.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я. – Нам нужно уходить!

– Они уже обнаружили нас, – говорит он. – И будет только хуже, если мы попытаемся бежать. Здесь только один квадрокоптер. Возможно, это обычный патруль.

– Они не отвечают на мои позывные, – говорит Коул. – И не выходят на связь. Что-то здесь не так.

– Ну, мы превосходим их в силе, – говорит Леобен. – Давай посмотрим, чем это закончится. Они на прицеле пулемета из джипа. Если приземлятся, мы с ними справимся.

Квадрокоптер «Комокс» ревет у нас над головами, его винты посылают порывы ветра. Я вижу, как поблескивают лобовое стекло и белые рога логотипа «Картакса» на брюхе. Проекторы выхватывают из темноты джип, и «Комокс» зависает над нами.

Я закрываю глаза руками и отступаю назад, натываясь на Коула.

– Не переживай! – кричит он. – Скорее всего, они захотят с нами поговорить...

Его слова тонут в выстрелах, которые по дуге летят из брюха «Комокса», и джип Леобена взрывается.

Глава 4

Ударная волна сбивает все на своем пути, но мне удастся удержаться на ногах. Коул крепче обхватывает меня руками и прижимает к груди. Яркая вспышка превращает ночь в день, а рев от взрыва пронзает воздух, и уши закладывает. Над нами вздымается стена жара, наполненная удушающим запахом дыма и горящего пластика. Коул вздрагивает, и на мгновение его руки стискивают меня, а потом он начинает падать.

– Коул! – медленно опуская его на землю, кричу я.

Вспышки от выстрелов пронзают темноту, оставляя оранжевые полосы на небе, освещенном звездами и перьями голубей. Кусок искореженного металла с лязгом падает рядом с головой Коула.

– Вставай, вставай!

Он стонет и, пошатываясь, поднимается, но уже слишком поздно.

Накренившись, «Комокс» разворачивается и возвращается к нам. Глаза Коула почернели, и он с трудом даже стоит на коленях. Я не понимаю, ранен он или нет. Его спина еще не зажила после взрыва генкита в лаборатории, к тому же у его тела есть запас прочности. Если осколок прилетел в спину, то вряд ли исцеляющие модули смогут его вылечить прямо сейчас.

– Ли, мне нужна твоя помощь! – срывая голос, кричу я. Но его нигде не видно, а «Комокс» уже с ревом несется к нам. – Давай, Коул. Тебе нужно встать.

Я подставляю плечо ему под руку, и он, пошатываясь, встает на ноги, но мы успеваем сделать лишь несколько шагов по грунтовой дороге, прежде чем «Комокс» начинает снижаться. Его прожекторы находят нас, а порывы ветра несут к нам стену черного дыма, клубящуюся над джипом.

– Ли! – кричу я и кашляю, согнувшись пополам.

Коул спотыкается и падает на колени, увлекая меня за собой. Я пытаюсь поднять его, но у меня ничего не выходит.

– Беги, – выдыхает он.

– Нет! У нас получится.

Но я сама не уверена в этом. «Комокс» близко, а Ли нигде не видно. Коул бежать не может, а я не смогу даже поднять его, не то что нести. Но и здесь его не брошу. Мы пообещали, что нас больше ничто не разлучит. Ни Лаклан, ни «Картакс».

Мы только нашли друг друга. Я не могу его потерять.

– Я не оставлю тебя. – Я падаю на колени рядом с ним и сжимаю его руки. – Мы будем вместе, что бы ни случилось.

Глаза Коула черные и потускневшие, а брови нахмурены, но я знаю, что он меня слышит. «Комокс» дергается и приземляется. И тут рядом со мной появляется тень.

– Я возьму его.

Это Леобен. У меня перехватывает дыхание от облегчения. В отсветах оранжевого пламени, пожирающего джип, видны темные потоки крови на его лице. Он подхватывает Коула и поднимает его.

– К деревьям, быстрее! – приказывает он и мчится в лес.

Я, пошатываясь, устремляюсь за ним, чувствуя, как внутри растет надежда. С помощью Леобена мы сможем выбраться отсюда. Кто-то кричит из «Комокса», но слова теряются в реве винтов. Мы пересекаем дорогу и спускаемся по тропинке к деревьям. Спотыкаясь, я бегу вслед за Леобеном и Коулом. Мои глаза слезятся от дыма, поэтому я задираю майку, чтобы прикрыть рот и остановить кашель.

– Сюда! – поднимаясь на склон и таща за собой Коула, кричит Леобен.

Лес окутывает темнота, но мы бежим вперед сквозь папоротники и кустарники, которые рвут мои легинсы. Голуби из-за взрыва безумно кружатся в небе, а от их перьев в небе вспыхивают вихри света, которые служат нам отличным прикрытием. Из-за них и крон деревьев ни одна система «Комокса» не сможет нас выследить. Даже самые крутые алгоритмы прицела не смогут ночью вычленивать что-то из миллионов светящихся птиц.

– Я подключился к джипу Коула, но не уверен, что он сможет проехать к нам через эти деревья, – говорит Леобен, а затем останавливается и смотрит вверх.

«Комокс» парит над нами, порывы ветра колышут деревья, и прожекторы, словно обезумевшие, шарят по лесу. Сейчас, под стаей птиц, нас сложно найти.

– Они скоро отстанут, – кричит Леобен, и тут сверху доносится металлический скрежет, похожий на звук перезарядки. – В укрытие! – кричит он и тащит Коула к дереву, когда на нас обрушивается град пуль.

Я инстинктивно прикрываю голову руками и несусь в укрытие. Вокруг меня парят светящиеся перья и проносятся голуби, падающие словно камни. Стая разлетается в стороны с яростными криками, а затем еще одна волна пуль со свистом пронзает воздух.

Нет, это не пули. Это дротики с транквилизатором.

Они врезаются в землю вокруг меня, и в стороны разлетаются брызги желтой сыворотки. Солдаты «Картакса» не хотят нас убить – они хотят захватить нас в плен. Пытать и допрашивать. В голове всплывает образ операционного кресла с наручниками под ослепляющей лампой. Я отскакиваю от дерева и мчусь за Леобеном с Коулом, но тут что-то врежется мне в ногу.

– Черт, – останавливаясь, выдыхаю я.

Из икры торчит дротик. Я наклоняюсь и с шипением выдергиваю его. Желтая жидкость пузырится на кончике иглы, окрашенной в алый цвет. Предупреждение о повышении кровяного давления вспыхивает внизу перед глазами.

– Давай же! – кричит Леобен.

– В меня попали! – кричу я и хромаю в их сторону.

Он тянется ко мне свободной рукой и обхватывает за талию, а затем тащит вперед. Позади нас еще больше дротиков устремляется в землю. Перенеся часть веса на Леобена, я хромаю так быстро, как только могу, хотя перед глазами все плывет. Мы пробираемся сквозь деревья, голуби носятся в разные стороны, а воздух наполнен их пронзительными криками. Мы, пошатываясь, спускаемся по склону в долину, которую посередине делит ручей, и звук двигателей «Комокса» стихает. Мы передвигаемся не очень быстро, но, похоже, план Леобена сработал. Видимо, они потеряли нас из-за птиц.

Мы останавливаемся у самого подножия склона. Ручей здесь глубиной по щиколотку, но широкий, а дно усыпано камнями. Леобен втягивает воздух и всматривается в деревья. Не знаю, как ему удастся удерживать нас двоих.

– Мы не можем здесь оставаться, – говорит он.

– Но они улетели.

Я смотрю на Коула. Его черные глаза полуприкрыты, а лицо блестит от пота. Похоже, ему становится хуже.

– Нам нужно помочь Коулу.

Леобен качает головой:

– Если в «Комоксе» солдаты, они начнут прочесывать лес. Мы должны выбраться отсюда. Ты сама как?

– Я в порядке, – говорю я.

Левую ногу покалывает, и я передвигаю ее с трудом, к тому же ощущаю, как транквилизатор разносится по телу, но все еще могу бежать, если Леобен поможет мне и будет тянуть вперед. Мы с плеском пересекаем ручей, и ледяная вода обжигает нервы, возвращая ноге чувствительность.

– Куда мы идем?

– Туда, где больше птиц... – Леобен снова замирает, а затем поднимает голову и прислушивается к эху разносящегося по долине грохота.

Крики голубей становятся все пронзительней, когда вдаль начинают сотрясаться деревья. Это не похоже на «Комок», и это точно не солдаты. Глаза Леобена сужаются, а затем на его лице появляется усмешка, когда джип Коула въезжает в долину и мчится вдоль ручья.

– Черт побери, – выдыхаю я. – Ли, ты просто невероятный.

– О, я в курсе, – бормочет он. – До сих пор не верится, что они взорвали мой джип.

Машина Коула мчится по ручью, разбрызгивая воду, а затем автопилот останавливает джип рядом с нами и открывает задние двери. Леобен затаскивает Коула внутрь и, потянувшись ко мне, хватается за плечи, чтобы посадить на заднее сиденье. Там чище, чем в джипе Леобена, – вся одежда разложена по пакетам и нет залежей мусора, но все равно тесно из-за наших рюкзаков, одеял и нескольких коробок с документами, которые мы вытащили из лаборатории.

– В аптечке есть антидот для транквилизатора, который должен подействовать мгновенно, – говорит Леобен.

А затем хватается Коула за плечи и переворачивает так, чтобы тот лежал на боку.

– Они не отправятся за нами? – спрашиваю я, пока тянусь через Коула, чтобы достать рюкзак.

Покалывание в левой ноге превратилось в онемение, расплзающееся по спине.

Леобен качает головой, а затем пролезает между сиденьями на водительское место.

– Если они умны, то не станут приближаться к джипу. Для одного квадрокоптера такая погоня слишком опасна. У нас может быть ракетная установка, или мы можем заманить их в ловушку. Скорее всего, они приземлятся и вызовут подкрепление или выпустят беспилотники. Я сомневаюсь, что они нас заметят под стайей голубей, но могут установить посты на дорогах. Давай просто не будем стоять на месте и посмотрим, получится ли у нас переиграть их.

Он прижимает руку к приборной панели, и стекла сразу темнеют, а задние двери захлопываются у меня за спиной. Мы разворачиваемся и въезжаем обратно на склон. Трясущимися руками я открываю рюкзак и достаю аптечку. Там в ряд стоят пузырьки с разными значками «Картакса». Раньше они для меня ничего не значили, но теперь, когда панель заработала благодаря модулю VR рядом с каждым из них, у меня перед глазами возникает текст. Миорелаксанты³, антикоагулянты⁴ мгновенного действия. Я достаю флакон, который подписан «АНТИДОТ ДЛЯ ТРАНКВИЛИЗАТОРА», и прижимаю колпачок с иглой к шее.

И уже через секунду чувствую, как он прожигает и пронзает мои клетки, препятствуя нарастающей волне онемения.

– Ты знаешь, куда его ранило? – оглянувшись, спрашивает Леобен.

– Нет.

Я выбрасываю пустой пузырек и поворачиваюсь к Коулу. Его глаза закрыты, дыхание поверхностное, а лицо побледнело и блестит от пота.

– Ты когда-нибудь видел его в таком состоянии?

Леобен кивает:

– Несколько раз. Некоторые из алгоритмов тайных агентов экспериментальные, и они не очень хорошо сочетаются с остальными модулями. Если мы переусердствуем, это приведет к сбою в системе. Вколи ему исцеляющую сыворотку, быстрее. Он плохо выглядит.

³ Миорелаксанты – лекарственные средства, которые снижают мышечную активность, от простого расслабления до полного обездвиживания.

⁴ Антикоагулянты – химические и лекарственные средства, способствующие снижению свертываемости крови и препятствующие образованию тромбов.

– Сейчас, – бормочу я и снова принимаюсь рыться в рюкзаке и вытаскиваю коробку со шприцами, наполненными исцеляющей сывороткой.

Она с шипением открывается, и меня обдает холодным воздухом. Осталось всего три. Сыворотка работает лучше, если ее ввести прямо в рану, поэтому мне придется найти это место на теле Коула, прежде чем вколоть ее ему.

– Коул, ты меня слышишь?

Я наклоняюсь к нему и осматриваю спину. А затем, поставив коробку со шприцами на пол, принимаюсь водить руками по телу в поисках припухлости или других намеков на осколки. Кожа на его спине все еще отликает серебром и кажется очень твердой из-за наносетки, которая активировалась после взрыва в лаборатории, когда его спину разорвало, но на ней ни следа новых ранений. Я обхватываю его лицо руками, стараясь не думать о том, каким слабым он сейчас выглядит.

– Коул, мне нужно, чтобы ты сказал, где болит.

Он лишь качает головой. Мы выезжаем на гравийную дорогу, он стонет от этого рывка, и его лицо бледнеет еще сильнее. От каждого толчка джипа его веки дрожат, а я все еще не нашла рану. Перекатив Коула на живот, я провожу рукой по его боку в поисках раны и замираю.

Из-под ребер торчит кусок металла.

– Черт, – выдыхаю я.

– Что там? – выворачивая руль, откликается Леобен.

Я хватаюсь за сиденья, чтобы не свалиться, а затем открываю рюкзак, пытаюсь отыскать маленький генкит, которым пользовалась, но его там нет. Он остался в джипе Леобена.

Который разлетелся на тысячу маленьких кусочков.

– Черт, – снова говорю я.

– Я начинаю волноваться, кальмар.

– У него осколочное ранение, – объясняю я. – Не знаю, какой величины осколок застрял внутри, и у меня нет генкита.

Без генкита я могу лишь включать и отключать алгоритмы на панели Коула. Но не смогу установить что-то новое или, в случае необходимости, направить поток искусственно созданных нанитов, способных исцелить его. Панели созданы, чтобы взаимодействовать друг с другом. Но они не предназначены для установки обновлений и изменения других панелей. На них даже нельзя кодировать – у панелей нет возможности компилировать и проверять коды гентеха или оптимизировать их для уникальной ДНК человека. Для этого нужны генкиты.

Леобен влетает на склон и снова выезжает на дорогу.

– У тебя есть исцеляющая сыворотка?

– Да, но она не поможет, если у него внутри останется кусок металла.

Мы с Леобеном встречаемся взглядами в зеркале заднего вида.

– Ты можешь его вытащить?

– Я боюсь, что ему станет хуже.

– В полевых условиях медики выдергивают осколки, а потом вкалывают лекарство, – говорит он. – Исцеляющая сыворотка поставит его на ноги.

Я киваю, но сомнение все еще не отпускает. Исцеляющая сыворотка способна справиться с большинством ран, но это не означает, что люди бессмертны. Существуют код для насыщения крови кислородом на случай остановки сердца и код приоритета исцеления жизненно важных органов тела, но если мозг умрет – если искра жизни погаснет хоть на мгновение, – то никакое количество исцеляющей сыворотки и алгоритмов не гарантирует ее возвращение. Тело может исцелиться, сердце может начать биться вновь, но вы можете уже никогда не очнуться.

Я прижимаю пальцы к ране у ребер Коула. Его жизненные показатели низкие, а модули все еще не заработали, к тому же я не знаю, сколько энергии осталось у его панели. Он провел

весь день на наблюдательном пункте под дождем, поэтому голоден и истощен. Если я выдерну этот осколок, то его тело исцелится быстрее, но и шансы, что он умрет, возрастут.

– Поторопись, кальмар, – просит Леобен, маневрируя между деревьями.

Коул заходится влажным кашлем, сотрясаясь всем телом. Его веки трепещут.

– Что... что ты делаешь?

– Шшш, – успокаиваю я. – Просто не двигайся. У тебя в боку застрял кусок металла.

Он стонет и неловко ерзает. Его дыхание прерывается.

Если я буду тянуть дальше, то он все равно умрет. И от этой мысли сжимается горло. Я хватаюсь за окровавленный край металла, задерживаю дыхание и вытаскиваю его.

Он с хлопанием выскальзывает из раны, а следом начинает литься кровь. Коул напрягается, с его губ срывается крик, а тело вновь сотрясается от дрожи. Осколок по форме напоминает нож. Беспощадный, острый, размером с мой палец. Я бросаю его на пол, достаю один из шприцев и вонзаю его глубоко в рану.

– У вас там все в порядке? – Леобен поворачивает к нам голову. – Его жизненные показатели упали. Что ты?.. – Он замолкает, а затем его взгляд устремляется в заднее стекло джипа. – Проклятье! Похоже, это будет не так просто.

Я обхватываю Коула одной рукой, а другой зажимаю рану на его боку и смотрю назад. «Комокс» вернулся и теперь парит над лесом, а его прожекторы рыскают по земле.

– Я думала, они должны были приземлиться и вызвать подкрепление.

– Должны были, – дергая руль, бурчит Леобен. Мы съезжаем с гравийной дороги обратно в лес и теперь мчимся между деревьями. – Они не следуют правилам ведения боя, установленным в «Картаксе», и, уверен, используют ручное управление.

– Может, нам стоит остановиться?

Я приподнимаю руку и осматриваю рану на ребрах Коула. Он продолжает истекать кровью.

– Коул ранен, а нам некуда бежать...

– Я не для того последнюю неделю прожил в грязи, чтобы сдать сейчас, кальмар, – кричит Леобен.

Мы взбираемся на склон и начинаем спускаться по камням. От тряски меня бросает из стороны в сторону. Я хватаюсь за спинку сиденья Леобена, чтобы поймать равновесие. Пока мы несемся по зарослям кустарников, «Комокс» ревет над нами, а его прожекторы пронзают темноту. Коул откашливается и пытается сесть.

– Коул, – выдыхаю я и крепче обхватываю его. – Не двигайся. Ты как?

Он кивает и пристально смотрит в заднее окно, а затем поднимает руку к цепочке на шее.

– Приманка, – шепчет он.

– Слишком рискованно, – кричит Леобен и выворачивает руль, направляя джип в лес. – Тем более мы можем от них оторваться.

– Что это значит? – спрашиваю я. – Что такое «приманка»?

Коул тянет за цепочку. Из-под воротника футболки появляется блестящий черный кулон. Дубинка. То же оружие, которым я воспользовалась, чтобы вырубить Дакса в Саннивейле. Она выбивает все панели гентеха в радиусе шести метров. Тогда, в Саннивейле, она не подействовала на меня, потому что моя панель еще не установилась, и сейчас мы тоже отключимся.

Если мы активируем ее, когда «Комокс» подлетит достаточно близко, она повлияет на пилотов.

– Ты сказал, что они используют ручное управление, – говорю я.

Коул кивает:

– Мы можем вырубить их. – Он приподнимается на локте, морщась от этого движения. – Мы должны остановить джип на открытом участке. Вы с Ли убежите, а я дождусь, пока они опустятся ниже, и активирую дубинку. Как только квадрокоптер упадет, вы сможете вернуться.

Леобен качает головой и выворачивает руль, чтобы вернуть нас на дорогу.

– Слишком опасно. Если что-то пойдет не так, мы попадемся к ним в руки.

– Они дважды отправились за нами, Ли, – стиснув зубы, говорит Коул. Его лицо все еще бледное и блестит от пота. – А если все сработает, мы заполучим квадрокоптер. И вечером сможем оказаться на другом конце страны.

Леобен сжимает челюсти, а затем бросает взгляд на зеркало заднего вида. «Комокс» приближается к нам, а голуби с криками разлетаются в стороны. Мы никогда не сможем обогнать их на джипе. Они заставят нас взлететь на воздух еще одной ракетой. Или будут преследовать часами.

– Мы сделаем это, – говорю я и поворачиваюсь к Коулу: – Но я не оставлю тебя. Если они доберутся до тебя, то я буду рядом.

На мгновение мне кажется, что он начнет спорить, но Коул кивает.

– Черт побери! – взрывается Леобен.

Он качает головой, но снижает скорость и выруливает на поляну. Его дверь распахивается, но перед тем, как вылезти, он поворачивается ко мне:

– Шесть метров, хорошо?

– Беги, – сжимая дубинку в руке, говорит Коул.

Леобен вновь чертыхается, а затем выскальзывает из машины и уносится в ночь. Коул тянется к моей руке, а другой сжимает черный кулон. Джип сотрясается, а воздух наполняется ревом двигателей, когда «Комокс» начинает снижаться. Двенадцать метров, девять. Шесть метров. Они уже достаточно близко, чтобы активировать дубинку. Коул сжимает мою руку и смотрит мне в глаза.

А затем поворачивает кулон, и все погружается в темноту.

Глава 5

Когда темнота рассеивается, мне на мгновение кажется, что я лежу на диване Агнес под одним из ее одеял. Я чувствую запах лавандового мыла и слышу ее голос, словно она находится в соседней комнате. Звон кастрюль и тихие шаги доносятся с кухни. Я понимаю, что это маловероятно, но память сейчас подобна одеялу, в которое хочется завернуться. Возможно, тогда, проснувшись в ее доме, я в последний раз чувствовала себя в безопасности. Я знала, что она наблюдает за мной, варит чечевицу и напевает что-то себе под нос, а ее ружье стоит у стены. И в данный момент мне хочется затеряться в этом воспоминании, но я не могу отбросить чувство, будто что-то не так.

– Поднимайся, – голос, словно лезвие, врезается в воспоминание.

Я закрываю глаза, пытаюсь вернуться обратно в дом Агнес. Туда, где полки заполнены едой и припасами. К женщине с тонкими седыми волосами и пронизательными глазами.

– Поднимайся, черт возьми, – вновь требует более резкий и настойчивый голос.

Я открываю глаза, но не вижу никаких следов Агнес. Воздух холодный и тяжелый, а еще пахнет дождем. Я лежу на заднем сиденье джипа, задние двери распахнуты, а полуночное небо наполнено кобальтовыми огнями от голубиных крыльев. Леобен рядом, его белокурые волосы пропитаны кровью.

Случившееся возвращается в болезненном тумане: «Комокс», погоня, дубинка. Я закрываю рот рукой, вываливаюсь из машины и отправляю в траву содержимое желудка.

– Это последствия дубинки, – говорит Леобен. – Некоторых после нее тошнит. Вставай. Коул приходит в себя. Помоги мне перенести снаряжение.

Я выпрямляюсь и вытираю рот. Мы у подножия склона на поляне, заросшей травой по колено. «Комокс», преследовавший нас, упал, отчего одно окно разбилось, а один из винтов погнулся. Он уткнулся в дерево, которое переломилось от удара и завалилось на поляну, поэтому все вокруг усыпано осколками стекла и листьями.

– Черт поberi, – выдыхаю я. – Это и правда сработало.

– Да, – говорит Леобен. – Но нам нужно поторопиться. «Картакс» отправит подкрепление.

Он вылезает из джипа, поворачивается и обхватывает плечи Коула одной рукой, чтобы помочь ему. У Коула бледное лицо, потускневший и расфокусированный взгляд, но он уже пришел в себя.

– Эта штука сможет лететь? – спрашиваю я.

Посмотрев на квадрокоптер, Леобен хмыкает и перекидывает руку Коула через шею.

– Не знаю. Он спроектирован таким образом, что подобный удар не должен был сильно ему навредить, но он мог получить сильные повреждения. В любом случае кто-то уже вылетел ему на смену, и мы точно не успеем скрыться на джипе.

– А что с пилотом?

– Все еще без сознания, – говорит Леобен, помогая Коулу выбраться из машины. – Он там один. Не уверен наверняка, но, судя по результатам сканирования, он ранен.

Он направляется к «Комоксу», таща за собой Коула. Я забираюсь на заднее сиденье джипа и, подхватив свой рюкзак, просматриваю груды одеял и документов, пытаюсь определить, что нам понадобится. Похоже, Леобен уже все упаковал. Мой черный рюкзак открыт, из него торчат аптечка, несколько папок с записями Лаклана и несколько тонких коробочек со значками «Картакса». Я закидываю его за спину, беру винтовку Коула, а затем бегу вслед за ними. «Комокс» опасно балансирует на расколотых остатках дерева, одно посадочное шасси зарылось в землю, а второе висит в воздухе на уровне груди. Крошечные осколки разбитого

окна хрустят под сапогами, отражая кобальтовое свечение голубиных перьев. Стальной трос толщиной с мое предплечье тянется от брюха «Комокса» к земле.

– Придется резать, – кивая на кабель, говорит Леобен. – Это якорь, чтобы мы его не украли.

– Как, черт возьми, мы это сделаем?

Леобен свободной рукой показывает на мой рюкзак, а другой сильнее прижимает Коула.

– Я закинул несколько световых лент в твой рюкзак. В голубой коробке.

Я скидываю рюкзак на землю и, открыв его, вытаскиваю бирюзовую коробку, в которой что-то дребезжит. От значка на боку у меня перед глазами тут же всплывает предупреждение: «Мощные лазеры. Используйте защитные очки».

Я моргаю, и слова исчезают. Все еще не могу привыкнуть к панели и тому, что у меня перед глазами периодически всплывают текст и изображения.

– И что с ними делать?

– Давай я, – говорит Леобен и прислоняет Коула к зависшему в воздухе шасси «Комокса», а затем шагает ко мне.

У Коула все еще потускневший взгляд и дыхание поверхностное, но на щеках появился румянец, а кровотечение, кажется, остановилось. Леобен забирает у меня коробку, вытаскивает цепочку из черного металла, на одном конце которой находится кнопка включения и светодиодный индикатор заряда батареи. Он пролезает под брюхо «Комокса» и обматывает черную цепочку вокруг кабеля.

– Не смотри, – говорит он, а затем закрывает глаза и включает световую ленту.

Я отворачиваюсь, когда вспышка белого света разлетается от цепочки. Звук, напоминающий выстрел, эхом разносится по воздуху, пугая голубей. А затем Леобен отскакивает в сторону, трясая рукой так, словно обжег ее.

– Что это за чертовщина? – спрашиваю я, моргая и пытаюсь прогнать бурю ярких пятен перед глазами.

Кабель перерезан, и его обрубленные концы светятся оранжевым светом. Одна его половина свисает с брюха «Комокса», вторая лежит на земле.

– Противоугонное средство, – говорит Леобен, вылезая из-под квадрокоптера и подхватывая Коула. – Наверное, придется и дверь взрывать. Она заперта, а эти штуки надежнее танков.

Я убираю коробку со световой лентой в рюкзак, разглядывая поврежденный корпус «Комокса». Похоже, у меня получится протиснуться в разбитое окно.

– Возможно, я смогу залезть внутрь, – говорю я.

Леобен смотрит на окно, а затем окидывает меня взглядом.

– Ладно. Только поторопись. Пилот все еще без сознания, но скоро должен очнуться. Будь осторожна, кальмар.

Я застегиваю рюкзак и, оставив его на земле, хватаю винтовку Коула.

– Кажется, я просила тебя не называть меня кальмаром.

Леобен фыркает. Я закидываю винтовку за спину, отталкиваюсь от разбитого дерева и хватаюсь за шасси, чтобы подняться. «Комокс» скрипит и раскачивается подо мной, когда я сжимаю боковую ручку и карабкаюсь к окну.

– Сможешь пролезть? – спрашивает Леобен.

– Думаю, да.

Я замахваюсь винтовкой и выбиваю зазубренный осколок из рамы, чтобы расчистить себе путь, а затем засовываю голову в окно и осматриваю грузовой отсек.

Внутри темно, а еще пахнет резиной и маслом. Черные матовые стены усеяны крючками и грузовыми ремнями, а у стены в ряд выстроены парашюты. Рядом с коробкой, похожей на оборудование гентеха, лежат два вещевых мешка, но нигде не видно оружия. В кабине на панели

управления лежит пилот, все еще без сознания. Я забрасываю винтовку Коула в окно, а затем встаю на колени и, проскользнув внутрь, падаю на пол. Человек в кабине не двигается.

– Пилот еще не очнулся, – поднимаясь, говорю я.

– Видишь ручку?

Я хватаю винтовку Коула и, пошатываясь, поднимаюсь по наклонному полу, потом хватаюсь за желтый рычаг окна. Дверь с шипением поднимается вверх, а к шасси медленно выезжает трап. Леобен приседает и поднимает Коула, я выбегаю им навстречу, чтобы помочь забраться.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

Коул кивает, но его взгляд все еще туманный, а шаги неуверенные, он залезает в трюм, хватаясь за один из ремней на потолке, чтобы удержаться на ногах. Когда он поднимает руку, то невольно задевает рану на ребрах и вздрагивает.

– Лучше некуда.

Леобен забирается внутрь с моим рюкзаком и бросает его на пол, вытаскивает из кобуры на боку пистолет. Выразительно смотрит мне в глаза и переводит взгляд на пилота. Я киваю и, прижав винтовку к плечу, иду за ним в кабину.

Панель управления «Комоксом» напоминает приборную панель джипа – такой же изогнутый экран со светодиодами, только здесь встроено два штурвала. На панели высвечивается карта местности, а рядом список предупреждений. Обхватив один из штурвалов, на панели лежит пилот.

У меня перехватывает дыхание. Это Дакс.

– Дакс? – Леобен заскакивает в кабину пилота, убирая пистолет обратно в кобуру.

Он аккуратно сжимает плечи Дакса, поднимает его с панели управления и прислоняет спиной к креслу.

Голова Дакса запрокидывается назад. Он выглядит изможденным, под глазами залегли темные тени, а по бледной веснушчатой щеке тянется синяк. На лбу после аварии появилась глубокая рана, и при виде его залитого кровью лица голову заполняют воспоминания о нападении в Саннивейле.

Внезапно я вновь чувствую руки Дакса на своей шее и его пулю в спине. Слышу крики жителей Саннивейла, с которыми они набрасываются друг на друга. Я понимаю, что той ночью не Дакс причинил мне боль – на него влиял код Лаклана, – но именно его лицо запечатлено в воспоминаниях. Его дыхание, его голос. Мышцы сводит от напряжения, когда я смотрю на него, и в глубине души мне хочется, чтобы он почувствовал себя таким же беспомощным и напуганным, какой себя чувствовала я на полу в том коридоре.

Леобен поворачивается ко мне с широко раскрытыми глазами:

– Опустить оружие!

Я застываю и перевожу взгляд на винтовку. Оказывается, я продолжала целиться в Дакса, сжимая приклад так сильно, что побелели костяшки.

– Черт, – ругаюсь я и опускаю ствол. – Прости.

– Убирайся отсюда! – грубо вскрикивает Леобен. – Я сам с ним разберусь.

– Ладно, – бормочу я и отступаю в грузовой отсек, где скидываю с плеча винтовку.

Руки трясутся, сердце колотится. Дакс был моим другом. Моим напарником по кодированию. Я мечтала, что мы будем вместе после того, как закончится эпидемия.

А теперь я не была уверена, что смогу доверять самой себе, если окажусь рядом с ним с оружием в руке.

– Там Крик? – спрашивает Коул позади меня. Он забирает у меня винтовку и пытается пробраться в кабину, отчего «Комокс» стонет и раскачивается на расколоте дерева. – Какого черта он здесь делает?

– Не знаю, – говорит Леобен, опускаясь на место штурмана и хватаясь за второй штурвал.

Он надавливает на него, и двигатели «Комокса» со скрипом запускаются. Они звучат неправильно – их привычный устойчивый ритм сбился, и от нагрузки начинают дрожать стены.

– Эта штука не выдержит еще одной атаки. Нужно убираться отсюда, пока не появились солдаты «Картакса».

– Мы не возьмем его с собой! – рявкает Коул и хватается за воротник лабораторного халата Дакса.

– Коул, – предупреждающе говорит Леобен.

– Он явно не на нашей стороне, Ли, – возражает Коул. – Он же стрелял в нас.

Леобен тянется и хватается Коула за запястье.

– Дакс стрелял дротиками с транквилизаторами и не собирался нас убивать. Но он прилетел сюда не просто так, и, думаю, нам стоит узнать почему.

Я с сомнением перевожу взгляд с одного на другого и обратно. С одной стороны, я согласна с Коулом – Дакс взорвал джип Леобена и стрелял в нас. Он явно не планировал дружеский визит. Моим первым желанием было вытащить его из квадрокоптера и оставить на поляне, расщедрившись лишь на аптечку.

Но, с другой стороны, как только кошмарные воспоминания о Саннивейле угасают, меня охватывают другие чувства. Хоть и кажется, что с наших розыгрышей в хижине прошла вечность, я не могу не ощущать эхо той привязанности, смотря на него. В хаосе моего прошлого Дакс один из немногих, кого я помню совершенно ясно. Потому что эти воспоминания мои. Мы оба были тогда молоды и наивны, но он много значил для меня.

И, возможно, так будет всегда.

Я поворачиваюсь к Коулу:

– Думаю, мы должны выслушать его.

Коул разочарованно рычит, а затем сдергивает Дакса с кресла и тянет в грузовой отсек.

– Хорошо, пусть летит с нами. Но сидеть он будет там.

Леобен провожает его взглядом, а затем наклоняет штурвал. Дверь закрывается. Коул толкает Дакса на одно из мест и пристегивает ремнями поверх халата, чтобы тот не свалился. Лобовое стекло украшают брызги грязи и щепки от дерева, но сквозь него видно безумные светящиеся вихри, которые вырисовывает стая.

– Куда мы полетим? – спрашиваю я.

– На юг, – отвечает Коул. – Ты говорила, что твоя подруга проследила за Лакланом до Невады?

– Да, Агнес, – кивнув, подтверждаю я, и меня охватывает тревога от мысли, что она отправилась за Лакланом в одиночку.

Я до сих пор не знаю, почему она ушла так внезапно и почему не отвечает на мои звонки. Но она должна быть в порядке. Она самый упрямый человек, которого я знаю.

– Значит, в Неваду, – поворачивая штурвал, говорит Леобен.

Мы взлетаем под скрежет металла. Ветер от винтов влетает в разбитое окно. Когда мы поднимаемся выше, рев двигателей усиливается, становится более монотонным и пронзительным, а сбивый ритм напоминает непрерывный скулеж. Хотя прошел всего час после заката, мы так далеко забрались на север, что летом здесь небо темнеет ненадолго. Горизонт уже окрасился в бледно-голубые тона, и проглядывают первые намеки на солнечный свет. Коул натягивает металлическую шторку на разбитое окно, чтобы сдерживать порывы ветра, а затем хватается за один из ремней на потолке, встает рядом со мной и переводит взгляд на Дакса.

– Может, тебе лучше присесть? – спрашиваю я. – Еще несколько минут назад твое самочувствие оставляло желать лучшего.

– Я в порядке, – говорит он. – Просто моим модулям нужно было время.

– У тебя из тела торчал кусок металла.

– Знаю. – Он закидывает винтовку на плечо. – Но у меня были ранения и посерьезнее.

Мы взлетаем над стаей голубей, и Леобен увеличивает скорость, отчего «Комокс» кренится вперед. Я опускаю одно из сидений возле кабины пилотов и сажусь на него, разглядывая Дакса. Он выглядит ужасно. Волосы грязные, одежда мятая и испачканная, как будто он не менял ее несколько дней. Правда, на челюсти нет и намека на щетину, хотя, скорее всего, у него стоит какой-нибудь алгоритм, отвечающий за это. Синяк на щеке темный и явно болезненный, а рана на лбу глубокая, и из нее все еще сочится кровь. Похоже, последняя неделя далась ему так же тяжело, как и нам.

Он начинает кашлять, его веки трепещут, а затем он моргает, приходя в себя. Дакс поднимает на меня глаза, а затем они расширяются от удивления.

– Принцесса, – невнятно бормочет он. – Ты жива.

Коул вскидывает винтовку:

– Не называй ее так, если хочешь и дальше оставаться в сознании.

Дакс переводит замутненный взгляд на него, а затем на Леобена, сидящего в кабине. После чего вздыхает и откидывается на спинку сиденья.

– Все пошло не так, как я планировал.

Я встаю и взмахиваю рукой, прося Коула убрать оружие.

– Какого черта ты стрелял в нас, Дакс?

Он прижимает пальцы к ране на лбу, и они окрашиваются кровью.

– В джипе было оружие. Я опасался, что вы подстрелите меня, поэтому и взорвал его. Я прилетел сюда, чтобы помочь вам. Центральный штаб «Картакса» объявил вас в розыск.

Леобен оглядывается на него из кабины:

– Центральный штаб?

Дакс кивает, шурясь, словно пытается разглядеть что-то за оповещениями, которые всплывают у него перед глазами.

– Бринк отправил к вам посланника и солдат. Они отправились к лаборатории, где вы разбили лагерь.

– Черт! – вскрикивает Леобен.

– Кто такой Бринк? – спрашиваю я.

Коул беспокойно переступает с ноги на ногу.

– Глава Центрального штаба «Картакса». Именно там управляют всей организацией: военными, учеными, бункерами.

– Почему я никогда об этом не слышала?

– Потому что именно это им и нужно, – говорит Коул. – В Центральном штабе не попадают под радары. Они обычно не вмешиваются, пока все не становится... сложно.

– Ну, сейчас все, определенно, сложно, – говорит Дакс, дергая ремни. Он выглядит пьяным, его лоб заливают пот. – Нам нужно спрятаться, и быстро. Я забил в навигатор место... – Он замолкает, когда под нами раздается взрыв, достаточно громкий, чтобы заглушить на миг гул винтов. – Что это было?

– Наверное, снова чертовы фейерверки, – говорит Леобен. – Похоже, мы пролетаем над лагерьем выживших.

Побледнев, Дакс переводит взгляд на металлическую шторку, закрывающую разбитое окно, а затем на меня.

– Улетай отсюда. Держись от него на расстоянии не меньше полутора километров.

– Не ты здесь отдаешь приказы, – говорит Коул.

– Просто сделайте, как я говорю, – резко отвечает ему Дакс.

Он снова заливается кашлем, наклоняясь вперед и приоткрывая рот.

По шее ползут мурашки. Этот взрыв совсем не напоминает фейерверк. Звук был совершенно другим. Он очень похож на те взрывы, которые мы с Леобеном слышали в лагере. «Комокс» кренится влево, а я встаю и захожу в кабину. Леобен с остекленевшим взглядом

наклоняется вперед и всматривается в происходящее внизу. Все еще царит ночь, лес окрашен в оттенки синего и серого, но первых лучей рассвета хватает, чтобы увидеть темные полосы дорог, петляющих между деревьями. Под нами находится лагерь – с десятков машин припарковано вокруг нескольких приземистых строений. Я вглядываюсь в лес, пытаюсь отыскать хоть намек на фейерверк или взрыв, но ничего не вижу.

Дакс снова кашляет. Я оглядываюсь на него, и мурашки от шеи ползут вдоль позвоночника. Он все еще смотрит на разбитое окно «Комокса». Он посмотрел на него сразу, как услышал взрыв, а потом перевел взгляд на меня. Сквозь металлическую заслонку с шипением проникает воздух – она не герметична, но это не важно. Нам больше не нужны воздушные шлюзы, ведь вакцина найдена.

– Ты в порядке, Дакс? – насторожившись, спрашиваю я и иду к нему.

– Я в порядке, – сглотнув, отвечает он и вытирает пот на лбу рукавом халата.

– А по виду не скажешь.

Я опускаюсь на одно колено рядом с ним и всматриваюсь в лицо. Он потеет, его глаза налиты кровью, а синяк на шее окрашен в фиолетовые и красные цвета. Я тянусь к воротнику его рубашки, но он хватает меня за запястье.

– Пожалуйста, – шепчет он.

– Не трогай ее! – выкрикивает Коул.

– Все нормально, Коул, – успокаиваю его я.

А затем высвобождаю руку из хватки Дакса и снова тянусь к его воротнику. Он пораженно вздыхает, закрывает глаза и сжимает в руках ремни.

Я расстегиваю верхнюю пуговицу его рубашки и тянусь к следующей. Оказавшись так близко, я ощущаю, что от Дакса исходит неприятный запах – он явно не мылся последние несколько дней, как и мы. Но дело не только в этом. Что-то меня настораживает в этом запахе. Я развожу в стороны полы его рубашки и вижу бледную грудь, усеянную темными синяками.

Это не может быть то, о чем я думаю. Но когда Дакс поднимает голову и его изумрудные глаза встречаются с моими, меня охватывает ужас.

Он заражен.

Глава 6

– Что там происходит? – спрашивает Леобен.

Он оглядывается через плечо и видит синяки на груди Дакса. После чего отпускает штурвал и встает с кресла. «Комокс» вздрагивает, но затем включается автопилот. Леобен обходит Коула и опускается на колени рядом с Даксом. Его глаза широко раскрыты от удивления, он не сразу понимает, что означают синяки на лице и груди Дакса.

– Нет, – выдыхает он.

Коул шагает к кабине и наклоняется вперед, выглядывая в лобовое стекло.

– Мы в опасности? Мы могли заразиться?

– Скорее всего, нет, – говорит Дакс. – Мы летим достаточно высоко. Шлейфы не очень большие.

– Какие шлейфы? – спрашиваю я. – Что, черт возьми, происходит?

Дакс откидывается на спинку сиденья и закрывает глаза.

– Появился новый штамм вируса, на который не действует вакцина.

Леобен молча смотрит на Дакса. Я хватаюсь за спинку одного из сидений и, даже не посмотрев, валяюсь на него, оттого что у меня подкосились ноги. Я знала, что мы слышали не фейерверки. Это были дурманщики. Я закрываю глаза и снова вижу облака гидры на горизонте, а еще покрытые синяками тела, которые взрываются, оставляя лишь дымку. Этот мир за последние два года стал живым кошмаром, и хотя Лаклан все еще угрожает человечеству, мне дышалось немного легче от мысли, что мы смогли победить вирус.

Но оказалось, все, что мы сделали, было зря. Вакцина не работает.

Черт, меня сейчас стошнит.

– Что еще тебе известно? – спрашивает Леобен, сжимая одной рукой кресло Дакса. – Как давно появились зараженные?

Дакс закатывает грязный рукав лабораторного халата над криптоманжетой, прикрепленной к его панели. Это пластина из черного металла, обхватывающая его руку, напоминает ту, что была на нем, когда мы летели в «Хоумстейк», один из бункеров «Картакса». Как только Дакс нажимает на кнопку рядом с запястьем, мигающие в ряд огоньки на одной стороне манжеты становятся ярче, и в воздухе появляется голограмма. Изображение колышется и поначалу сбивается статическими помехами, но потом они исчезают, и мы наконец видим лагерь выживших. Это где-то на севере, потому что на скалистом берегу лежит снег, а океан серый и спокойный до самого горизонта. Человек, пошатываясь, идет к воде, пока люди разбегаются от него с криками. На мелководье он падает на колени и запрокидывает голову.

Он содрогается, а из его тела вырывается клубящаяся дымка.

Затем появляется женское лицо. Алые волосы, непреклонный взгляд. Новак. Лидер «Небес». Каждое утро они с Даксом появлялись на приборной панели джипа во время ежедневной трансляции. С фирменной улыбкой она заверяла, что все будет хорошо, что вакцина работает, а бункеры скоро снова откроются.

Но эта трансляция совершенно другая. В ней нет и намека на улыбку Новак, а еще нет Дакса, потому что сейчас он сидит передо мной весь в синяках и трясется от лихорадки. Он нажимает на кнопку, и появляется карта мира, на каждом континенте и острове которой мигают красные точки.

– Новый штамм распространился повсюду, – говорит он. – Мы обнаружили его всего три дня назад, и до сих пор нам удавалось скрывать это от людей, но наши попытки поместить зараженных в карантин не увенчались успехом. Пока зараженных всего два процента, но и этого достаточно, чтобы вирус выжил. «Картакс» запустит эту трансляцию в ближайшие дни. Они скажут правду... объявят, что мы можем потерять вакцину.

Голограмма карты исчезает, и Леобен потирает глаза, покачиваясь на пятках. Я от шока приваливаюсь к стенке «Комокса». Мне даже не хочется думать, что останется от мира, если вакцина перестанет действовать. После того, что сделал Лаклан, ему не стоит доверять написание еще одной. А без него это может занять годы. Еще несколько лет чумы: бункеров, дурманщиков и съеденных кусков плоти для поддержания иммунитета. А еще можно поставить крест на будущем и поездке на пляж с Коулом. Я даже не представляю, справлюсь ли с этим. Единственный способ пережить вспышку, который я знаю, – отвлечься и защитить свое сердце.

Но я ощущаю проблеск надежды.

Каждый человек на этой планете знает про появление вакцины и видел мир без чумы. Все выжившие, все гражданское население в бункерах до сих пор празднует. Они сейчас катятся на американских горках, вагончик которых вот-вот полетит вниз. Не знаю, как они отреагируют, если эта вакцина перестанет действовать.

Могут начаться беспорядки. Или даже война.

Это может стать началом конца.

Леобен поднимается и шагает к кабине, а оказавшись рядом с Коулом, что-то переключает на панели управления. «Комокс» вздрагивает и начинает снижаться посреди леса.

– Что ты делаешь? – кричит в отчаянии Дакс и опускает рукав, закрывая манжету. – «Картакс» идет за нами. Нам нужно уходить.

– Мы никуда не пойдем, – переведя на него пылающий взгляд, говорит Леобен. – Ты заражен. Господи, Дакс, нам нужно разобраться с этим, а тебе нужно в медицинский отсек.

Мы пролетаем сквозь стаю голубей, которые стремятся убраться подальше от нас, и опускаемся на темную, заросшую травой поляну. Когда мы приземляемся, «Комокс» скрипит, а под ногами что-то дребезжит. Над нами возвышаются стройные сосны, а вдали виднеются три горных вершины. Коул прислоняет винтовку к перегородке «Комокса» и тяжело опускается на одно из сидений. Его кожа все еще бледная, а значит, наниты усердно трудятся над его травмами. Если рана на боку все еще причиняет ему боль, то он никак не показывает этого.

– Мы не должны останавливаться. Мы теряем время, – застегивая рубашку, бормочет Дакс.

Я рассматриваю синяки на его лице. Шок отступает, а разум приступает к поиску решения проблемы.

– Расскажи мне подробности, – прошу я. – Насколько отличается штамм?

– Он совершенно другой, – говорит Дакс. – Похоже на двенадцатилетнюю мутацию.

– Что? – Я выпрямляюсь. – Ты шутишь?

На лице Дакса появляется грустная улыбка:

– Мне бы очень этого хотелось.

Я молча смотрю на него, а затем начинаю вышагивать по грузовому отсеку. Мутации в гентехе классифицируются по времени, которое бы понадобилось для появления подобного результата в ходе естественной эволюции. В каждом новом поколении любого вида случайным образом изменяется несколько генов, но чем дальше, тем существеннее становятся эти изменения. Срок, который понадобится на это, зависит от организма – для мутации в человеческой ДНК, распространившейся на целую популяцию, потребуются столетия, а бактериям хватит и нескольких дней. Чем больше срок мутации конкретного вида, тем значительнее изменение.

Вирус гидры мутирует очень быстро – период заражения составляет всего три недели. И если это действительно двенадцатилетняя мутация, то все может быть совершенно по-другому. Чума бушует всего два года, но за это время облака гидры стали подниматься выше, а взрывы – мощнее. Если то, что говорит Дакс, правда, то новый штамм выглядит так, каким бы мог стать после еще десяти лет мутации.

– Как он мог так быстро мутировать? – вернувшись из кабины, спрашивает Леобен.

Когда рев винтов превратился в глухой стук, он опустил одно из сидений напротив Дакса и сел на него. Его тело дрожало от напряжения.

– Иногда случаются генетические скачки, подобные этому, – говорит Дакс. – После того как мы поняли, что вакцина не действует, мы пересчитали весь код, имитировав десятилетие мутаций. И вакцина совершенно не подходит для этого штамма.

– Его можно исправить? – спрашиваю я.

– Это вполне легко сделать, – говорит Дакс.

Он встречается со мной взглядом, и я чувствую отголосок связи, существовавшей между нами, когда мы кодировали вместе. Два интеллекта, работающие в гармонии и сосредоточенные лишь на решении возникшей головоломки.

– Моя команда вычислила, какие необходимо внести изменения, но их нелегко интегрировать в вакцину, потому что мы имеем дело не только с ней.

– Черт, – выдыхаю я. – Дополнительный код.

Дакс мрачно кивает. Я откидываю голову назад и прижимаю руки к глазам. После расшифровки Дакс сказал мне, что изначально вакцина состояла из пяти миллионов строк, но на панели по всему миру загрузилось девять. Имплант в моей голове добавил еще четыре миллиона строк – присоединенную процедуру, благодаря которой Лаклан смог устроить атаку в Саннивейле.

Но присоединенная процедура добавилась не отдельным блоком, который можно с легкостью удалить. Мне не удалось разобраться в ней за прошедшую неделю, но, судя по тому, что я увидела во время расшифровки, коды вакцины и присоединенной процедуры идеально сплелись. Словно кто-то разрезал две книги и сшил их в одну, перемешав страницы. На анализ и разделение каждой строчки может потребоваться не один месяц.

Но без копии чистой вакцины ее не восстановить. Вы же не сможете создать какую-нибудь запчасть для машины, если никогда ее не видели.

– Лаклан сделал это нарочно, – говорю я, продолжая шагать по грузовому отсеку. – Если бы алгоритм можно было легко изменить, мы бы смогли заблокировать его атаки.

– Да, – соглашается Дакс. – Но еще это означает, что мы не можем изменить вакцину. Моя команда пытается переписать исходный код, но это может занять несколько недель.

– А как же Лаклан? – спрашивает Леобен. – Он же может переписать вакцину для вас. Может, заключим с ним сделку? Пусть он оставляет свое добавленное дерьмо, пока работает над вакциной.

– Как ты можешь такое говорить? – развернувшись, возмущаюсь я. – Мы не сможем доверять тому, что он пришлет нам.

– А я бы закачал все, что пришлет Лаклан, – подавив кашель, говорит Дакс. – Я уже пытался связаться с ним. И даже отправил необходимые изменения на все учетные записи, которые мне только пришли в голову, в надежде, что он обновит вакцину и отправит мне новую версию, но он так и не ответил. Лаклан потратил полжизни на работу над этой вакциной, и мне не верится, что он подвергнет ее риску. Руководство «Картакса» в отчаянии, а большая часть моей команды заражена. Время на исходе. Если у Лаклана действительно имеется грандиозный план по изменению мира, то сейчас прекрасная возможность заставить «Картакс» помочь.

Леобен мрачнеет:

– Как заразилась твоя команда?

Дакс переводит взгляд на рельефный металлический пол «Комокса».

– Произошел несчастный случай. Один из контейнеров с образцом оказался негерметичным. Или так выглядело. Хотя я проверил каждый из образцов несколько раз. Думаю, в Центральном штабе захотели повысить нашу мотивацию и ускорить работу.

Я резко вдыхаю.

– Они заразили тебя?

На лице Дакса появляется кривая улыбка, которая не отражается в его глазах.

– После этого все действительно стали работать эффективнее.

– Нет, – вставая, говорит Леобен. – Они не могли этого сделать. Ты же их ведущий ученый. Неужели они настолько безумны, чтобы рисковать твоей жизнью? Я думал, там ты будешь в безопасности...

– Именно поэтому я здесь, – перебивает его Дакс. – В Центральном штабе решили, что мы слишком долго возимся с вакциной, поэтому там начали строить свои собственные планы. Они рассылают приказы прямо сейчас, и Бринк ищет вас. Мне кажется, он собирается выследить Лаклана. Только это не ваша битва. Если Лаклан захочет исправить вакцину, он так и сделает. Но никто из вас не должен рисковать своей жизнью ради этого.

Что-то необузданное и свирепое сверкает в глазах Леобена.

– Ты действительно думаешь, что мы станем убегать от них? Поэтому ты не хотел, чтобы мы узнали, что ты заражен? Господи, мы всю неделю строили планы, как выследить Лаклана. Мы собирались убить его, но я буду счастлив, даже если мы просто посадим его в клетку. Если «Картакс» собирается отправить нас за ним, я только «за».

– Они не отправят тебя, – говорит Дакс. – Или Катарину. Вакцина создана на основе твоей ДНК, а она дочь Лаклана. Они не знают, что она все еще жива, но если найдут ее, то сделают заложницей. И, вероятно, тоже заразят.

Я смотрю в окно на деревья, кусая ноготь. В «Картаксе» все еще считают, что Лаклан мой отец, и я не сомневалась, что они пойдут на многое, чтобы заставить его сдаться. Вот только Лаклану наплевать на мою безопасность. Он обрушил гнев на тысячи жителей Саннивейла, когда я, безоружная и беззащитная, была там. Вряд ли он сдастся, если я стану заложником, но он говорил, что без меня ему не завершить свой план.

А значит, есть вероятность, что я смогу выманить его, если стану приманкой.

– Что ты придумал, Крик? – спрашивает Коул. – Куда мы можем сбежать?

– Коул... – начинаю я, но он перебивает меня:

– Я не стану смотреть, как тебя заражают, Кэт.

– Мой план посложнее простого побега, – говорит Дакс.

Он бросает взгляд на вещевые мешки и прозрачные пластиковые короба, спрятанные в дальней части грузового отсека. В них виднеются пробирки с исцеляющей сывороткой, перевязочные материалы и пустые капельницы. Канюли запечатаны в стерильные пакеты и лежат поверх пластиковых банок с мутными, желеобразными клеточными каркасами – такими запечатывают тяжелые раны, чтобы ускорить регенерацию тканей.

– А это еще зачем? – спрашиваю я. – Для операции?

Но Дакс даже не смотрит на меня. Он смотрит на Леобена.

– Тебя узнают, – говорит он. – Вас обоих. Существуют способы изменить вашу ДНК, чтобы вас не распознали при сканировании, но не ваши черты. Я знаю кое-кого, кто проведет вас в бункеры по фальшивым документам, но там везде камеры.

От его тона меня пробирает дрожь. Большинство алгоритмов гентеха не могут значительно изменить внешность человека, но это возможно. Скорее всего, именно благодаря им марионетка в лаборатории так походила на Лаклана. Большинству кодов понадобится несколько месяцев, чтобы изменить костную структуру или форму хряща в ушах, но есть способы ускорить этот процесс. Например, алгоритм изменения кожи работает быстрее, если тело отчаянно пытается вырастить новую. А нос изменится не за несколько недель, а за несколько дней, если его перед этим сломать.

Я смотрю на коробки с медицинским оборудованием. На перевязочные материалы. На капельницы.

– Ты хочешь, чтобы мы изменили свои лица, – выдыхаю я.

Леобен бледнеет:

– Нет, Дакс.

– Это единственный способ, – говорит Дакс. – Иначе вам никогда не попасть в бункер.

– Я не собираюсь отсиживаться в бункере, – возражает Леобен.

– У тебя может не остаться выбора. Бринк не собирается терять работающую вакцину.

Он готовится к запуску протокола «Всемирный потоп».

Натянутая, давящая тишина наполняет воздух.

– Что за протокол «Всемирный потоп»?

Никто не отвечает, но от выражения лица Коула меня пробирает до костей. Не понимаю, как Бринк собирается спасти вакцину – невозможно спасти ее, не внося изменения.

Если только...

Я поворачиваюсь к Леобену, когда в голове всплывает наш первый разговор в бункере, куда мы прилетели. В «Хоумстейке». Я сказала ему, что никогда бы не поселилась в бункере и не позволила бы меня запереть, и тогда Леобен сказал, что именно люди на поверхности настоящие тюремщики, потому что из-за них вирус все еще жив. Без них у гидры закончились бы носители, и она бы испарилась.

Существует два способа убить вирус – вы можете победить его с помощью вакцины, а можете удалить все возможные пути для заражения, и тогда он умрет сам по себе.

Но Дакс сказал, что этот штамм распространился по всему миру. А значит, каждый из выживших на земле может стать потенциальным носителем.

– Черт побери, – шепчу я. – Они собираются убить всех.

Глава 7

Я шагаю по грузовому отсеку «Комокса», онемев от шока. Холодный воздух проникает через металлическую заслонку. На ладонях все еще остался песок, а нога, в которую попал дротик, болит.

На поверхности все еще живут дети и целые семьи. Как в «Картаксе» могут думать об их убийстве?

– Они не сделают этого, – говорю я.

– У них может не остаться выбора, – возражает Дакс.

Он вытирает рукавом пот со лба, и от этого движения его начинает трясти. С каждой минутой он выглядит все хуже.

– В бункерах «Картакса» живет три миллиарда человек, их защищают воздушные шлюзы и вакцина, которая должна работать. Моя команда в конце концов разберется в коде и исправит его, но если позволить вирусу распространяться и мутировать дальше, то к тому времени, как мы закончим, вакцина снова окажется бесполезной.

– Но на поверхности миллионы людей...

– Знаю, – тихо говорит Дакс. – Поверь мне, я хочу остановить это так же сильно, как и ты. Сейчас на кону стоит моя жизнь, буквально, и это зависит не от меня. Теперь все зависит от Бринка и Лаклана.

– Мы должны вернуться. – Леобен разворачивается и направляется в кабину. – Если в «Картаксе» планируют запустить протокол «Всемирного потопа», мы не можем облажаться. Нам нужно подкрепление – беспилотники, разведка, солдаты. Нам необходимо найти Лаклана. Я не стану сбегать и уж тем более менять свое чертово лицо.

Он таким тоном произносит последнее слово, что я вздрагиваю – его ужасают не только мысли об операции. Но и мысль, что кто-то изменит часть его личности. И я прекрасно его понимаю, потому что тот же ужас сейчас охватывает меня. И пусть в своем отражении, в окне «Комокса», я вижу черты Лаклана – его нос, линии челюсти, – они мои тоже. Меня уже изменили однажды.

Не думаю, что смогу смириться с мыслью о том, чтобы сделать это снова.

– Ли, пожалуйста. – Дакс расстегивает ремни и пытается встать, чтобы пойти за Леобеном, но сгибается от кашля.

– Ты заражен, – повернувшись к нему, говорит Леобен. – Как ты мог подумать, что я спрячусь в бункере?

– Ты должен это сделать, – хватая ртом воздух, возражает Дакс. – Вакцина не работает. Они снова начнут проводить на тебе исследования.

– Я переживу это, – огрызается Леобен. – Как делал это с самого детства.

– Знаю, что переживешь, – откидываясь на спинку сиденья, говорит Дакс. – Но теперь я их ведущий ученый. И если выживу, они заставят меня проводить эти тесты. Если понадобится, они причинят мне боль, а я не смогу справиться с этим.

Я в замешательстве перевожу взгляд с Леобена на Дакса и обратно. Они сверлят друг друга взглядами, и в их глазах не только гнев. Даже атмосфера между ними изменилась. Воздух наполнила та же энергия, что окутывала Коула в подвале, когда я сказала ему, что Цзюнь Бэй жива. Леобен был телохранителем Дакса, когда они прилетели за нами к «Хоумстейку». Они путешествовали вместе, останавливались в одной комнате.

Но казалось, их связывает нечто большее.

– Дело не только в тебе, Ли, – говорит Коул. – Если мы вернемся, то и Катарина будет в опасности. Высадите нас где-нибудь, я вызову джип, и мы спрячемся.

– Что? – возмущаюсь я. – Нет, Коул. Леобен прав – мы уже не сможем справиться с этим сами. Теперь это касается не только нас. И теперь дело не только в Лаклане. Мы должны вернуться в «Картакс».

– Черт возьми, она права, – протискиваясь в кабину, говорит Леобен. – Если Бринк отправил команду в лабораторию, мы должны вернуться и встретиться с ними.

Он медленно опускается на место пилота и нажимает на штурвал. Винты «Комокса» начинают вращаться, грузовой отсек скрипит.

Коул запрокидывает голову и сжимает кулаки от раздражения. Мы отправляемся навстречу опасности. Я знаю это. И есть вероятность, что в «Картаксе» причинят мне вред, чтобы выманить Лаклана. А еще они могут узнать правду о том, кто я на самом деле. О Цзюнь Бэй. Они могут запереть меня в лаборатории. Или убить. Но я не стану убежать от этого. Не изменю лица, не спрячусь в бункере и не стану смотреть, как войска «Картакса» убивают всех выживших на поверхности. Особенно если я как-то могу помочь и остановить это.

«Комокс» поднимается над поляной и, покачиваясь, пролетает сквозь стаю. Леобен разворачивается и направляется в сторону трех остроконечных вершин. Лаборатория «Проекта Заратустра» находится в центре долины, возвышаясь над умытой дождем травой. Окна заколочены, а вентиляционные трубы на крыше сверкают в бледном утреннем свете. Мы прожили последнюю неделю в часе ходьбы отсюда, но я не бывала здесь с той ночи. Вот только мысли о ней то и дело всплывали в дальних уголках сознания, возрождая воспоминания о запертых дверях и руках в перчатках. И теперь, когда мы приближаемся, они усиливаются, обостряя мои чувства. Я вижу скальпели, наручники, зарешеченные окна.

Мне кажется, словно я вновь пытаюсь сбежать из лаборатории, но мне это не удастся.

Коул выпрямляется.

– Они здесь.

Перед нами появляется парковка лаборатории, где на траве стоит сверкающий «Комокс», а за ним выстроились в ряд солдаты.

– Я уже связался с ними, – говорит Леобен. – Они знают, что мы летим. – Он тянет за штурвал, и мы снижаемся.

– Они накажут тебя за то, что ты отправился на наши поиски? – оглянувшись через плечо, спрашиваю у Дакса.

Он откинулся на спинку сиденья и запрокинул голову, его лоб блестит от пота.

– Мне все равно, – отвечает он. – Я уже заражен. Что еще они могут мне сделать?

Леобен сжимает руками штурвал. Не знаю, что происходит между ним и Даксом, но уверена, между ними *что-то* есть, хотя он мне об этом ничего не говорил. Мне трудно представить их вместе. Дакс слишком серьезно ко всему относится, а Леобен, наоборот, все пытается превратить в шутку. Тем не менее между ними напряженная атмосфера, и я удивляюсь, как не заметила этого, когда мы путешествовали вместе.

Хотя это было мрачное время, которое освещалось лишь одним лучиком света – Коулом.

– Ну что ж, снижаемся, – зависнув над парковкой, говорит Леобен.

От порывов ветра по траве бежит рябь. Проекторы «Комокса» высвечивают потрескавшиеся бетонные стены лаборатории. Входная дверь открыта, и возле нее застыло несколько солдат, которые вскидывают винтовки, как только мы приземляемся.

Коул тут же закрывает меня собой.

– Не делай резких движений. Дай нам провести переговоры. – Он тянется к моей руке и на мгновение сжимает ее, а затем отпускает.

Я открываю рот, чтобы приободрить его, сказать о том, как жалею, что привела его сюда, зная, что он хотел скрыться, но дверь «Комокса» с шипением открывается, а трап опускается на землю.

Коул и Леобен поднимают руки и выходят из квадрокоптера. Когда они спускаются по трапу, солдаты целятся в них из винтовок, но не слышно ни приказов, ни лязга наручников, ни свиста пуль. Коул поворачивается ко мне и еле заметно кивает, после чего я поднимаю руки и следую за ними, а Дакс, пошатываясь, идет следом.

Трава блестит от дождя, холодный воздух звенит от криков голубей. Перед выстроившимися в ряд солдатами стоит мужчина с рыжеватыми волосами в серой военной форме. Он делает шаг вперед и обводит нас взглядом, а затем останавливается на мне.

– Катарина, – говорит он. – Приятно наконец-то с вами познакомиться. Меня зовут Чарльз Бринк.

Я выпрямляюсь. Бринк. Глава Центрального штаба «Картакса». Я удивлена, что он лично прилетел сюда. Его голос звучит дружелюбно, но меня он сверлит пристальным взглядом, словно пытается прочесть. Он высокий, с выверенной улыбкой и тщательно выстроенными морщинками вокруг глаз, которые придают ему добродушный вид.

– Вольно, лейтенанты, – говорит он. – Моя команда сообщила, что на прошлой неделе вы оба использовали технологии тайных агентов.

– Нас ранило, сэр, – начинает Коул, но Бринк перебивает его:

– Ты планировал отправиться за Лакланом в одиночку.

Плечи Коула опускаются:

– Да, сэр.

Бринк кивает с удовлетворенным видом:

– Трудно осуждать тебя за это. Но я рад, что ты решил вернуться. Вижу, ты к тому же позаботился о мисс Агатте. Мы беспокоились, что с ней что-то могло случиться.

Он идет вдоль строя солдат, чтобы встать передо мной.

– Тебе должно быть сейчас нелегко, Катарина. Нас всех шокировало известие о том, что Лаклан оказался совершенно не таким, каким все его считали. Я знаю твоего отца с детства, но даже не представлял, что он способен на такое. Да я даже не догадывался, что у него есть дочь. Он, видимо, сильно постарался, скрывая твое существование все эти годы. Кто твоя мать?

Я бросаю неуверенный взгляд на Коула. Стоит мне сейчас допустить ошибку, и Бринк может догадаться, что Лаклан на самом деле не мой отец.

– Она умерла, когда я была маленькой, – говорю я. – У нее был гипергенез.

Взгляд Бринка стекленеет, когда он начинает что-то проверять в своей панели.

– Ах, ну разумеется. Исследования гипергенеза. Интересно. Что ж, я рад, что ты присоединилась к нам.

Он отступает назад к солдатам, и на мгновение его локоть погружается в закрытый броней торс одного из них.

На самом деле его здесь нет.

Передо мной трехмерный образ человека, прорисованный модулем VR. Как было с Цзюнь Бэй. Только этот вызван не из файла, сохраненного на моей панели. Он передается напрямую, как звонок на коммуникатор. Лаклан и Дакс вели подобные беседы с другими кодировщиками, когда мы жили в хижине, но я никогда не видела их собеседников. Границы изображения нечеткие, но это единственное подтверждение фикции. Мне понадобится время, чтобы привыкнуть к тому, что люди появляются так.

– Крик, – поворачиваясь к Даксу и приподняв бровь, говорит Бринк. – Удивлен, что вижу тебя здесь.

– Я послал его, – доносится голос из лаборатории.

А затем оттуда появляется фигура – парень примерно моего возраста, может, немного старше. Солдаты расступаются в стороны, когда он встает с ними в ряд и хлопает ладошами, словно стряхивает пыль. Бледная кожа, прямые и темные спутанные волосы до плеч. Когда он выходит на свет, я узнаю его.

Я знаю его.

Эту позу, глаза, черты лица. При взгляде на него в мыслях возникают код и спиральные нити ДНК, но моя память совершенно пуста. Он одет в черные рваные джинсы, кожаную куртку и футболку, на которой спереди изображена молекула. Дофамин⁵. Часть лба закрыта треугольным куском темного стекла, который сидит на нем как влитой. Он тянется вдоль линии роста волос до скулы и, образуя дугу, закрывает левый глаз. Это маска кодировщика – компьютер, подключенный непосредственно к сети электродов на его черепе. Они соединяются через отверстия, просверленные во лбу. Несколько лей-линий спускаются от краев маски по щеке и по боковой стороне шеи, а затем исчезают под воротником.

– Я решил, что Дакс сможет привести Катарину, – говорит парень. – И, похоже, оказался прав.

Он рассматривает нас, на лице застыла полуулыбка, и от нее во мне зарождается слабое, трепыхающееся пламя страха. Бринк меня совершенно не пугает, потому что сразу видно, что он делец. Да и солдаты под броней и касками обычные люди. Но этот парень другой.

Он кодировщик и явно умен – это видно по пронзительному взгляду и черному стеклу на лбу. Единственная причина, по которой люди надевают такую маску, – возможность кодировать немного быстрее, чем это доступно через панель. Маска не использует кабели в теле или память панели, поэтому реагирует на каждую команду на долю секунды быстрее. Не стоит недооценивать того, кто готов просверлить десятки отверстий в черепе.

– О, Мато, – говорит Бринк. – Как тебе лаборатория?

– Грязновата, – отвечает он, отряхивая воротник куртки.

Он проходит мимо Коула и Леобена, бросая на них мимолетный взгляд, останавливается рядом с Даксом и внимательно рассматривает синяки на его лице, а затем поворачивается ко мне.

– Катарина Агатта, – говорит он.

Его взгляд спокойный и серьезный. Мне виден только один его глаз, но тот, что скрыт под маской, все же едва различим, в свете прожекторов «Комокса» угадываются нижние ресницы.

– Я Сомата Уотсон, но чаще меня зовут Мато. Приятно наконец-то познакомиться с тобой лично.

– Мы знакомы? – спрашиваю я, стараясь следить за тем, чтобы голос звучал ровно.

Я уверена, что Цзюнь Бэй знала этого парня, но он точно не мог знать меня.

Его маска становится чуть прозрачнее, а лей-линии подчеркивают тонкие, острые черты лица. Его красота холодная, и сразу видно, что он умен, но чувствуется и оттенок высокомерия.

– Именно я заблокировал твои попытки взлома серверов с хакерами «Небес», – объясняет он. – Это были неплохие – правда, примитивные – атаки. Когда-нибудь ты можешь стать хорошим кодировщиком. Твой многоуровневый червь заставил меня слегка попотеть прошлым летом.

Я не стала ему отвечать. Он действительно обсуждает мои атаки, пока мутировавший штамм чумы расползается по миру?

Бринк откашливается:

– Мато, миссия.

На лице Мато мелькает разочарование, а затем маска снова темнеет.

– Да, миссия. Насколько я понял, Катарина, Лаклан установил тебе нейронный имплант. Вот почему мы здесь. Я думаю, это может нам помочь.

Мы переглядываемся с Даксом. Это он обнаружил имплант во время расшифровки вакцины. Оказалось, что тот вырабатывал вещество, которое подавляло мои воспоминания, а еще

⁵ Дофамин – гормон, вызывающий чувство удовлетворения и удовольствия. Вырабатывается надпочечниками.

из-за него к вакцине Лаклана добавился код. За последнюю неделю я несколько раз пыталась проверить его, но все запущенные мной тесты показывали, что он пуст.

– Кажется, все данные с него стерты.

– Она права. – Дакс отталкивается от бока «Комокса», на который опирался во время моего разговора с Мато. Похоже, он уже с трудом стоит. – Судя по показателям после расшифровки, на нем не осталось никаких данных. Лаклан замел все следы.

– Да, я знаю, – говорит Мато. – Я тоже изучил результаты, но, очевидно, внимательнее, чем ты. У меня установлен такой же имплант, поэтому мне известно, как он работает. Но в файле с данными Катарина есть запись, которую я не могу объяснить. И это может помочь нам найти Лаклана.

– Подожди, – останавливаю его я. – Что значит «найти» его?

– Думаю, твой отец поместил в него отслеживающий жучок, – объясняет Мато. – И он указывает твоё местоположение.

Я осторожно поднимаю руку к затылку. Когда моя новая панель начала устанавливаться, я тут же попросила Леобена проверить ее на отслеживающие жучки. Если я так важна для Лаклана, как он утверждал, то вряд ли бы он оставил меня без присмотра во время эпидемии. Леобен ничего не нашел в моей панели, но мы не догадались проверить имплант. Мы решили, что я чиста, раз Лаклан не пришел за нами.

После событий в Саннивейле прошла неделя. Если ему так нужна была моя помощь, то почему он все еще не объявился?

– Я бы хотел взломать имплант, – говорит Мато. – И отследить сигнал Лаклана. Эта лаборатория... устарела, но в ней есть все необходимое для этого. Хочешь, мы сделаем это прямо сейчас?

Это прозвучало как вопрос, но я прекрасно понимала, что он не спрашивал моего разрешения. Правда, все еще не определилась, что чувствую по поводу взлома этим парнем чего-то в моем теле, не говоря уже о чем-то в моем черепе. Но если есть шанс, что это приведет нас к Лаклану, то нам стоит попробовать.

– Хорошо, – соглашаюсь я.

– Отлично, – говорит Бринк. – Как только мы узнаем, где Лаклан, тут же привезем его. Франклин, ты присоединишься к команде захвата.

– Да, сэр, – отвечает Коул.

– Я буду добровольцем, – говорит Леобен.

Бринк качает головой:

– Не в этот раз, лейтенант. Ты слишком важен, чтобы рисковать тобой. Мне с самого начала не следовало позволять Даксу забирать тебя с базы.

Леобен сжимает челюсти, но ничего не говорит.

– А как же я? – подаю я голос.

Бринк поворачивается ко мне, на его лице читается удивление:

– У тебя нет никакого опыта участия в боевых операциях. Ты будешь только мешать.

– Если вы хотите схватить Лаклана живым, чтобы он смог изменить вакцину, то вам понадобится кто-то, кто сможет с ним договориться. И я могу вам в этом помочь.

Бринк оглядывает меня с головы до ног.

– Возможно. Но сначала вычислим его местонахождение, а потом вернемся к этому вопросу. Почему бы вам не отправиться внутрь? Мне нужно отдать несколько распоряжений лейтенанту Франклину.

– Пошли, – беря меня за руку, бормочет Леобен.

– Приятно было познакомиться, Катарина, – говорит Бринк, когда мы проходим мимо его трехмерного образа. – Ты умна. Тебя ждет светлое будущее в «Картаксе». Свой ум ты явно унаследовала от отца, а внешне, должно быть, в мать.

Я моргаю и озадаченно переглядываюсь с Леобенем. Во мне совсем ничего нет от матери. Все, кто видел меня, говорили, что я копия Лаклана. Его ДНК внутри каждой моей клетки. У меня его руки, нос, даже оттенок кожи.

– Почему вы так говорите?

– Ну, ты совершенно на него не похожа, – говорит Бринк. – Он никогда не показывал тебе свои старые фотографии?

Я выдерживаю его взгляд, пытаюсь придумать ответ. Я не понимаю, о чем он говорит, и не знаю, как выглядел Лаклан в молодости. Но знаю ДНК Лаклана лучше, чем кто-либо другой: серые глаза, узкий нос, оливковая кожа. Четкие фенотипы⁶. Он не может выглядеть как-то иначе, иначе, чем я его помню, а значит, вполне возможно, что Бринк проверяет меня. Он сказал, что знает Лаклана с детства. С одной стороны, это может быть ловушкой, попыткой определить, та ли я, за кого себя выдаю.

А с другой – у него нет причин для этого. Я уже разрешила Мато взломать. А значит, он легко может просканировать мою ДНК.

– У него не так много фотографий, – говорю я.

Бринк кивает. Если он что-то и подозревает, это никак не отражается на его лице.

– Я думал, что он просто захотел изменить внешность, но, встретив тебя, увидел в этом иной мотив. Должно быть, ему было приятно видеть твои черты в зеркале, раз он не мог видеть тебя саму, пока вы были в разлуке. Полагаю, это было напоминанием о том, ради чего он работал. Хотя я всегда считал, что ему больше шли его натуральные рыжие волосы.

⁶ Фенотип – совокупность биологических характеристик и признаков организма, образовавшаяся в процессе его развития.

Глава 8

Леобен уводит меня в лабораторию, оставляя Коула и Дакса с Бринком. Я в оцепенении иду по коридору с треугольными лампами дневного света, которые свисают с потолка, прокручивая слова Бринка в голове: «Я всегда считал, что ему больше шли его натуральные рыжие волосы».

У Лаклана не могло быть рыжих волос. Или это бы читалось в его генетическом профиле. Волосы Лаклана темно-каштановые, почти черные. У него даже нет рецессивных признаков гена рыжих волос.

Я бы это знала. Та же ДНК хранится и в моих клетках.

Леобен распахивает одну из дверей и заводит меня в маленькую лабораторию. Стеллаж у дальней стены заполнен жуткими хирургическими инструментами, рядом с ним гудит генкит, а в центре комнаты стоит металлический стол, на который подняли пластиковые стулья. Стены и пол выложены глянцевой белой плиткой, к одной из стен прикреплен лабораторный стол с несколькими раковинами. По экрану в углу под потолком идут зеленые и фиолетовые статические помехи.

Когда я вхожу в комнату, на меня не накатывают воспоминания – просто смутные сенсорные вспышки боли, холода и полузабытья от обезболивающих. Я смотрю на полки со скальпелями и пилами, датчиками и мотками кабелей. Коул говорил, что иногда воспоминания не стоят той боли, которую они в себе несут. И, стоя в этой комнате, мне трудно не согласиться с этим.

Может, существуют вещи, о которых лучше не вспоминать.

Леобен захлопывает за нами дверь.

– Здесь можно разговаривать свободно. – Он указывает на потолок: – Ни одной камеры. Они боялись, что кто-нибудь взломает компьютеры лаборатории и увидит, что здесь творилось.

Я коротко киваю и отхожу в дальний угол комнаты, потирая прядь все еще влажных волос между пальцами.

– У Лаклана же каштановые волосы, да?

– Столько, сколько я себя помню.

– Тогда о чем говорил Бринк?

Леобен скрещивает руки на груди и прислоняется к лабораторному столу.

– Может, Лаклан использовал в молодости какой-то алгоритм, чтобы изменить их цвет на рыжий.

Я качаю головой:

– Тогда еще не существовало гентеха. Если он и использует что-то, чтобы изменить цвет волос, то делает это сейчас. Но даже в этом случае под темными волосами скрывался бы ген рыжих. Гентех не изменяет естественную ДНК. Только мое тело на это способно. К тому же я знаю геном Лаклана, и его волосы темные.

– Может, он маскирует свою ДНК, – говорит Леобен. – Дакс же сказал, что может подделать наши, чтобы мы попали в бункер.

Я упираюсь руками в лабораторный стол и склоняюсь над одной из раковин. Это возможно. Я слышала об алгоритмах, которые обманывали генкиты, искажая ДНК. Генкиты не очень надежны, поэтому я и не понимала, кто он на самом деле, пока жила в хижине. И если Лаклан действительно рыжий, то он пошел на многое, чтобы скрыть это. Но тогда мне непонятно другое – Лаклан превратил меня в свою дочь. Он сделал меня похожей на себя.

Так почему он сделал меня похожей на свой ненастоящий образ?

– Скорее всего, Бринк просто пытается забраться тебе в голову, – говорит Леобен. – Это в стиле Центрального штаба. Ты же видела, что они сделали с Даксом.

Я перевожу на него взгляд:

– Кстати... Дакс. Ничего не хочешь мне сказать?

Он отворачивается, задевая каблуком дверцу шкафчика под лабораторным столом.

– Нечего рассказывать.

– Ну-ну. Так почему ты промолчал?

Он приподнимает бровь:

– Может, потому что Дакс твой бывший, а в вашу последнюю встречу он стрелял в тебя, а ты откусила ему ухо.

– Справедливо, – бормочу я.

Он запрокидывает голову:

– Я даже не думал, что Дакс мне действительно небезразличен, но теперь, когда он заражен... Не могу сосредоточиться на чем-то другом.

Я отхожу от стола, стараясь не обращать внимания на вспышку ревности после его слов. То, что происходило между мной и Даксом в хижине, сложно назвать отношениями, к тому же последние два года мы провели врозь, а сейчас я с Коулом. Мне следует порадоваться за Ли, и я рада, но почему-то мне до сих пор сложно расслабить плечи.

Я снимаю один из стульев со стола.

– Как давно вы вместе?

– Мы не вместе. – Он подходит ко мне, хватая стул и ставит его на пол. – Я не знаю.

Год примерно.

Я закатываю глаза:

– Год? Нет, ребята, вы определенно вместе.

Он поднимает два последних стула обеими руками и опускает их. Его движения быстрые, но грациозные.

– Не все влюбляются с первого взгляда, как вы с Коулом. Между нами ничего нет. Он пытался разобраться с вакциной, поэтому проводил тесты, чтобы лучше изучить меня, и мы... подружились.

Мурашки побежали по коже при мысли о Даксе, который проводит исследования на Леобене. Не представляю, как это могло их *сблизить*. Я перевожу взгляд на изогнутые шрамы, которые выглядывают из-под воротника его майки, и он тут же поднимает руку, чтобы прикрыть их.

– Кстати, об исследованиях, – говорит он, поглядывая на стеллаж с медицинскими инструментами. – Я никогда не спрашивал – Лаклан проводил какие-нибудь тесты на тебе, когда вы жили в хижине?

– Я еще не закончила разговор о Даксе, – возражаю я.

– Зато я закончил. – Он скрещивает руки на груди. – Так проводил?

Я сажусь на один из стульев, чувствуя, как покалывает кожа на груди там, где когда-то находились шрамы, как у него. Сейчас там ничего нет, но остались шрамы вдоль позвоночника.

– Нет, тогда он не причинял мне вреда, если не считать кода, который он загрузил, чтобы помешать мне копаться в своей панели. Из-за него полопалась кожа на спине, когда я попыталась установить эстетический модуль.

– По моему мнению, это смело можно записать в графу «причинение вреда». Какой же он урод!

– Да, – бормочу я, ерзая на стуле от неосознанного желания броситься на защиту Лаклана.

Почему-то, несмотря на все случившееся, мне все еще тяжело слушать оскорбление в его адрес. И это раздражает.

– Я не понимаю смысла всей этой шарады под названием «сделать тебя своей дочерью», – говорю я. – Особенно если я не похожа на него.

Леобен прислоняется к лабораторному столу, скрещивая руки на груди.

– Каким он был в роли твоего отца?

Я пожимаю плечами, а затем начинаю водить пальцами по царапине на металлическом столе.

– Не знаю... Он много работал. С ним было приятно кодировать вместе, но в остальное время он вел себя довольно сдержанно. Он никогда не был по-настоящему ласковым, но всегда защищал меня, поэтому я считала, что такой и должна быть любовь.

Леобен качает головой:

– Это не любовь, кальмар. Так что выкинь из головы это дерьмо. Не стоит путать чувство защищенности и любовь.

Мои плечи напрягаются.

– Я знаю, что такое любовь.

– И при этом влюбилась в парня, который помешан на твоей защите.

Я поднимаю на него глаза, сжимая руки в кулаки:

– А ты переживаешь из-за парня, который проводил на тебе эксперименты.

Леобен отводит взгляд.

– Черт, – говорю я. – Прости, Ли. Мне не стоило этого говорить.

– Все нормально, – глядя на стол, отвечает он. – Я знаю, насколько все кажется странным, поверь мне.

Я вздыхаю, проводя руками по лицу. Наверное, Леобен прав насчет Коула. Я знаю, что влюбилась в него слишком быстро и, вероятно, отчасти из-за того, что он защищал меня. Возможно, именно это чувство я принимаю за любовь. Но между мной и Коулом есть что-то большее. И это длится уже много лет, пусть я и не могу их вспомнить. То, что связывает нас, может, и кажется кому-то странным, но это не означает, что чувства ненастоящие.

– Думаю, Лаклан нас всех сделал немного странными, – говорю я. – Прости меня. Я рада, что вы нашли друг друга.

Он лишь кивает, но так и не поднимает глаз.

– Хочешь сходить и проверить, как он? Я могу и сама подождать паренька-ученого.

Он смотрит на меня:

– Ты уверена, что ему стоит позволять что-то взламывать в твоей голове?

– Ну, я не в восторге, но если это поможет найти Лаклана, то стоит попробовать. Иди посмотри, как там Дакс. Со мной будет все хорошо.

Он отталкивается от лабораторного стола.

– Пожалуй, так и сделаю. Но я не *влюбился* в него, ясно?

Я закатываю глаза:

– Как скажешь, Ли.

Он улыбается мне напоследок и выходит за дверь, оставляя меня в одиночестве. Я прижимаю руки к металлическому столу. Краем глаза вижу стеллаж с медицинскими инструментами, нервирующий меня и пытающийся вытащить воспоминания, которые совершенно не хочется воскрешать. Не знаю, может ли *кто-нибудь*, после такого детства, какое было у нас, остаться нормальным. Но при всем при этом, где-то в глубине души, мне все еще не верится, что я выгляжу не так, как человек, который сделал это с нами. Как человек, которого на каком-то подсознательном уровне все еще считаю своим *отцом*. Меня должно радовать, что у меня нет его настоящих черт.

Вот только вместо этого чувствую себя так, словно еще одна соломинка, за которую я цеплялась, сломалась в моих руках.

Дверь с лязгом открывается, и в лабораторию заходит темноволосый ученый, Мато, с металлическим подносом в руках. Мое сердце пускается вскачь, когда он ставит его на стол и осматривает комнату. Не знаю, что он собирается делать с имплантом, но что-то подсказывает мне, что это будет не очень приятная процедура.

И если он выяснит, кто я такая на самом деле, то нет никаких шансов, что «Картакс» отпустит меня.

– Какое ужасное место! – говорит он. Кладет руки на спинку стула и осматривается. – Иногда ученые «Картакса» такие старомодные. Испытания на людях – это прошлый век. Бринк идиот, если не понимает, какой Лаклан динозавр. Без обид, конечно.

Я подавляю еще одно рефлексивное желание вступить за Лаклана.

– Разве ты не один из их ученых? Может, тебе не стоит так говорить?

Он переводит на меня взгляд, и на его лице появляется равнодушная улыбка.

– О, я из Центрального штаба. И могу говорить все, что мне хочется.

Он садится напротив меня, а затем откидывается на спинку стула. Мне сложно читать его. Работая с «Небесами», я сталкивалась с несколькими хакерами вроде него – дерзкими, умными, но при этом слишком уверенными в своих способностях. Вот только это парень из Центрального штаба «Картакса», и что-то подсказывает мне, что он так самоуверен, потому что знает, насколько хорош.

Я до сих пор не вспомнила, откуда Цзюнь Бэй его знала. Такого человека непросто забыть, и не только из-за его маски кодировщика. Он примерно моего роста и выделяется среди высокоченных солдат. Большинство людей еще в детстве устанавливают себе алгоритм для улучшения опорно-двигательного аппарата, чтобы управлять своей осанкой и пропорциями тела, потому что практически все хотят быть высокими. Особенно парни.

Забавно, но большинство людей считало, что появление гентеха разрушит взаимосвязь между биологией и гендерными признаками, и по большей части так и вышло. Существуют алгоритмы, которые воссоздают признаки Y-хромосомы, те, что препятствуют ее проявлениям, и те, которые купируют вообще все половые признаки. Но с появлением возможности с такой легкостью изменять внешность некоторые гендерные стереотипы, наоборот, укоренились. Высокий рост и фигура. Ресницы и подбородок. Ширина плеч и обхват руки. Мало кто устоял перед возможностью соответствовать общепринятым эталонам красоты.

Живя в хижине, я считала, что низкая лишь потому, что у меня гипергенез. Не существовало алгоритмов, которые были бы достаточно безопасными и могли добавить мне несколько сантиметров, уменьшить грудную клетку или удлинить ноги. Но Цзюнь Бэй могла выглядеть так, как ей хотелось, и для нее сохранение внешности, которую определяли естественные гены, скорее всего, было принципиальным решением.

Так же поступил и Мато, и сейчас, когда я встречаюсь с ним взглядом и вижу затаенный, острый как бритва интеллект в его глазах, начинаю понимать почему. Кажется, своим ростом он делает заявление – это способ напугать людей так же, как я испугалась Коула в хижине, когда увидела, что он безоружен. Он давал понять, что при желании может убить меня голыми руками.

Наверное, рост Цзюнь Бэй и Мато дает понять, что их настоящая сила кроется в *уме*.

Мато вынимает металлическую ручку из кармана и удерживает ее между большим и указательным пальцами левой руки, а остальными пальцами ударяет по ней, чтобы она вращалась.

– Тебе повезло, что у тебя стоит такой имплант. Они очень редкие.

– Как... подавители памяти?

Он склоняет голову.

– Они могут подавлять воспоминания, но их используют не для этого. Ты хоть видела, как он выглядит?

Я поднимаю бровь:

– Я думала, это обычный чип. Только в черепе, верно?

– Не совсем.

Он снова принимается крутить ручку, но его глаза стекленеют, а у меня перед глазами вспыхивает его полное имя.

Поколебавшись, я принимаю его сигнал, и над столом появляется трехмерное изображение головы человека. Я молча разглядываю его. Мне все еще сложно привыкнуть, что в любой момент передо мной может появиться что-то, настолько реалистичное, как это.

Я протягиваю руку к изображению, но пальцы проходят сквозь него. Голова медленно вращается, ее кожа и череп полупрозрачного желтого цвета, поэтому мне видно функционирующий мозг. К внутренней стороне черепа прикреплен красный продолговатый чип размером с ноготь на большом пальце. Когда я вижу его, кожу на затылке начинает покалывать.

– Этот прямоугольник и есть имплант, – говорит Мато, продолжая вращать ручку. – А это – нейронная сеть.

Изображение меняется, и появляется толстая красная линия, которая тянется от чипа и обвивает спинной мозг. За ней, словно виноградные лозы, вырастают еще несколько кабелей. Они разделяются и ветвятся, пока не начинают напоминать ветви огромного дерева, разросшегося в мозгах.

Изображение пульсирует у меня перед глазами, и от этого покалывание в затылке превращается в боль.

В моей голове есть такая же штука.

– Это потрясающая технология, – со стеклянным взглядом говорит Мато.

Я открываю рот, но не доверяю своему голосу. В моих мозгах, наверное, тысячи кабелей. Всю неделю я знала, что Лаклан как-то смог повлиять на мой интеллект, но до этого момента не понимала, насколько все ужасно. Какое это насилие. Он не играл в сотворение идеальной дочери. Он проводил эксперимент. Это жестоко и жутко. И инструменты, которые он использовал, все еще внутри меня.

Черт, меня сейчас стошнит.

Я отворачиваюсь от изображения и, приоткрыв рот, делаю глубокий вдох.

Кажется, кафельные стены давят на меня, а в комнате внезапно не остается воздуха.

– Ох, – вздыхает Мато и взмахивает рукой. Изображение тут же исчезает. – Мы можем отложить взлом, если тебе стало плохо.

Я качаю головой, стараясь контролировать дыхание.

– Все в порядке. – Я заставляю себя выпрямиться и поворачиваюсь к столу. Не думаю, что если отложим это, то мне станет легче, к тому же мне не хочется выглядеть слабой перед этим парнем. – Что делает имплант?

Мато останавливает крутящуюся ручку и перекладывает ее в правую руку. Но в этот раз, когда она начинает вращаться, падает на стол.

– У меня лучше получается левой рукой, чем правой, – глядя на меня, говорит он. – Но это не из-за практики, а из-за импланта.

Он снова принимается крутить ручку в левой руке. Прекрасная, идеальная дуга.

– Ты хочешь сказать, что используешь какой-то код? – спрашиваю я.

– Именно. Только это ментальная команда, зашитая в имплант. Всякий раз, когда я думаю о том, чтобы начать крутить ручку, мое тело тут же на это реагирует.

Я хмурюсь, когда он вновь принимается ее вращать. Что движения можно контролировать кодами, известно давно, именно так и работают марионетки. В их телах разрастается сеть, которая передает импульсы в мышцы и нервы. Некоторых спортсменов даже ловили на использовании подобных технологий. Как бы людям ни хотелось это отрицать, но компьютеры намного лучше справляются практически с любой задачей. И хотя их невозможно запрограммировать так, чтобы они повторяли все движения, которые может совершать человек, но если создать код, воспроизводящий лишь одно действие – например, ловля мяча, – то это будет получаться лучше и быстрее, чем у самого талантливого человека.

Но не все так идеально. Даже со всеми проводами в мышцах тело скорее прислушается к мыслям, чем к командам алгоритма. Вот почему марионетки дергаются.

Но имплант не соединен проводами с мышцами. Он отправляет команды прямо в мозг.

– Прелесть импланта в том, что этот навык занимает какое-то место в нашем мозгу, и для этого задействованы несколько нейронов, – говорит Мато. – Когда я записываю новое движение в имплант, то он посылает команду прямо в мой спинной мозг и подавляет те нейроны, которые за это отвечают, пока они не атрофируются. – Он снова поднимает ручку левой рукой, его глаза стекленеют, а затем он вновь пытается щелкнуть по ручке, но его движения становятся такими неуклюжими, как будто он вообще едва может удерживать ее в руках. – Сейчас я использую только свой мозг, но нейроны, которые когда-то контролировали мою руку, исчезли.

Его глаза снова стекленеют, и ручка вновь начинает вращаться. Только в этот раз она не просто крутится в его руках, а плавно перекачивается между пальцами, не сбиваясь, даже когда Мато поднимает руку. Сейчас он просто красуется, но тошнота, которая накатила на меня, когда я впервые увидела имплант, утихла, и ей на смену пришло любопытство.

– Так ты больше не можешь пользоваться левой рукой? – спрашиваю я. – А если имплант сломается?

Он вздыхает:

– Кодировщик с таким потенциалом, как у тебя, не должен быть настолько ограниченным. Если имплант может двигать моей рукой лучше, чем я, то почему бы мне не позволить ему делать это? Большая часть нашего мозга занимается простым контролем над телом, а это ценное пространство. Если подавлять нейроны в мозгу достаточно долго, то мозг начнет их использовать для чего-то другого. И нейроны, которые раньше контролировали мою левую руку, теперь могут быть использованы для чего-то более полезного – мыслей, воспоминаний, вычислений. Имплант не инструмент для управления движениями. Это система для реорганизации человеческого мозга.

Я сижу, уставившись на него. Какой безумный замысел: изменение нейронных связей в мозгу и перенос контроля за движениями на имплант, чтобы заново использовать это пространство и стать умнее. Меня ужасает мысль, что Лаклан поместил это в мою голову против моей воли, но в то же время в груди трепещет волнение от того, как я могу использовать это. Это же передовые технологии. Мато опускает ручку, и я ловлю себя на том, что смотрю на него, зачарованная интеллектом, отражающимся в его глазах.

Интересно, что он уже загрузил на имплант и что получил взамен.

– Так что это не подавитель памяти, – говорит он, катая ручку по столу. – Но с помощью него можно изолировать те части мозга, в которых хранятся воспоминания, и подавить их. Хотя есть множество более простых способов, чтобы сделать это.

Я киваю и беспокоюсь ерзаю на стуле, переведя взгляд на ручку, которую он крутит на столе. Есть множество более простых способов сделать все то, что Лаклан сделал со мной. Спрятал, изменил, подавил воспоминания... да он даже пропустил вакцину через мое тело. Но Лаклан никогда не тратил время и силы на бесполезные действия.

Слишком много я не понимаю в его поступках, и это начинает пугать.

– Ты готова попробовать взломать имплант? – спрашивает Мато. – Если тебя слишком напугало его изображение, то мы можем подождать...

Я смотрю на него и прищуриваюсь, ожидая увидеть снисхождение на его лице, но вместо этого вижу выражение, которое часто замечала у Леобена во время наших тренировок. Свирепость в глазах, намек на улыбку на лице, словно он загоняет меня в угол, но при этом знает, что я достаточно сильна, чтобы противостоять ему. Мне до сих пор не удалось вспомнить, откуда Цзюнь Бэй его знала, но что-то поднимается во мне, когда я смотрю на него. Голос, готовый ответить на его вызов.

– Я не боюсь, – наклоняясь над столом, говорю я. – Приступай. Давай сделаем это.

Глава 9

Мато откидывает темные волосы с лица, встает из-за стола и принимается разматывать два кабеля генкита. Один из них обычный считывающий, который вводится под кожу, а второй больше – витой черный шнур толщиной с карандаш. Он используется для подключения к узлам, которые растут внутри человеческого тела вместе с панелью, – в коленях, в бедрах, плечах и позвоночнике, чтобы контролировать сеть кабелей, по которым распространяется код.

– Мы подключимся к твоей панели как обычно, – говорит он, передавая мне тонкий считывающий кабель.

На его конце тонкая полая игла, чтобы проколоть кожу и при необходимости пустить наниты.

Я беру кабель, чувствуя, как напрягается тело от мысли, что мне придется присоединить его. Если Мато просканирует мою панель, то узнает, кто я, и тогда мне уже вряд ли удастся отсюда выбраться. Остается лишь надеяться, что его не очень интересуют мои модули и ДНК.

Как только до светящейся панели остается несколько сантиметров, кабель вырывается из руки и впивается в кожу. Я вздрагиваю, светодиоды мигают, запуская соединение, и на мгновение лаборатория расплывается у меня перед глазами. А затем в правом нижнем углу появляется зеленый значок, информирующий о подключении к генкиту.

– Соединение отличное, – говорит Мато со стеклянным взглядом.

Он проявил уважение, когда передал кабель мне, вместо того чтобы подключить его самому. Когда игла впивается в руку, это не самое приятное ощущение, боль не сильная, но и ее хватает, чтобы большинство людей боялись этого. Хотя кодировщики привыкли. Кодировать в гентехе можно и по беспроводному соединению, но нет ничего быстрее и безопаснее подключения напрямую.

– С этим будет сложнее, – поднимая черный витой шнур, говорит он. А затем вешает его на крючок на торце стола. – Нам необходимо подключиться к самому импланту, а для этого необходимо установить разъем. Ты сможешь достать его, как только мы закончим, или оставить, как я, чтобы не пришлось потом его снова устанавливать.

Я вздрагиваю. Он собирается ввинтить кусок металла мне в череп.

– А ты не можешь использовать узел в спине?

– Нет, мне необходимо подключиться напрямую. – Он поднимает с тележки инструмент, напоминающий пистолет с большим дулом. Установщик разъемов. – Ты можешь сделать это сама, но, на мой взгляд, будет проще, если это сделаю я.

Он подходит ко мне, но я поднимаю руки.

– Притормози, – говорю я. – Не понимаю, как ты собираешься найти маячок, если все данные с импланта стерты.

Мато нетерпеливо вздыхает:

– Маячок нельзя стереть. Думаю, Лаклан спрятал его в плате питания импланта. Я увижу его, если смогу перезагрузить имплант. Я действительно считал, что ты умнее.

Я откидываюсь на спинку стула.

– Мог быть повежливее.

Он одаривает меня сдержанной обезоруживающей улыбкой.

– Ты даже не представляешь, насколько грубость помогает в работе. – Он поднимает пистолет. – Так это сделаешь ты или я?

В груди все сжимается при виде установщика разъемов.

– Думаю... думаю, это лучше сделать тебе.

– Без проблем.

Он обходит стол, показывая рукой, чтобы я наклонилась вперед. Чувствуя, как напрягаются плечи, я прижимаю руки к столешнице и почти утыкаюсь в нее лицом. Мато убирает волосы в сторону, оголяя основание черепа.

– Боль продлится пару секунд, – говорит он.

Ствол пистолета прижимается к коже, а затем раздаётся жужжание, и я чувствую, как на основании шеи выбривается круг. Сердце колотится от ожидания. Я пришла в лабораторию по собственной воле, но теперь у меня в руке торчит кабель, а я сама в руках члена Центрального штаба «Картакса», который держит пистолет у моей головы.

Но и уйти отсюда сейчас не могу.

Я закрываю глаза и впиваюсь ногтями в ладони. Металл холодит кожу. Мато слегка сдвигает пистолет, а потом затвор щелкает и что-то врезается мне в затылок.

Он солгал насчет боли. Я чувствую, как разъем пробивает кожу, и потом она не стихает.

– Чеееерт, – зажмурившись, шиплю я.

Ощущение такое, словно в голову воткнули нож. Перед глазами все плывет. Я выпрямляюсь и подношу дрожащую руку к затылку. В медленно немеющую кожу теперь вшит холодный металлический круг.

– Ладно, давай попробуем подключиться, – поднося кабель к затылку, говорит Мато. Тот с щелчком, отдающимся в черепе, фиксируется в разьеме. – Соединение отличное. Все готово к взлому. Я пригласил Крика, чтобы он следил за твоей панелью и общим состоянием.

На экране, висящем в углу, загорается синий фон, на котором вращается белый логотип. Круг, разделенный знаком молнии, напоминает змею, которая пытается съесть свой хвост.

– Это заставка с импланта, – говорит Мато. – Его создала хакер по имени Регина. Ты слышала о ней?

– Конечно.

Регина одна из самых известных кодировщиков в мире. Некоторые считают, что она не менее талантлива, чем Лаклан, но Регина никогда не создавала коммерческие алгоритмы. Она лидер в городе-коммуне генхакеров, который называется Энтропия и находится посреди пустыни Невады. Они воссоздали странствующих голубей и не раз писали коды для «Небес» во время вспышки, но я почти ни с кем из них не общалась. Хакеры Регины, как правило, держатся особняком. Я никогда не видела этот логотип раньше, но, когда смотрю на экран, чувствую, что он мне откуда-то знаком.

– Я не знала, что Регина работает с подобным.

– Она работает со всем, – говорит Мато. – В мои обязанности входит следить за серверами «Небес», но я также слежу и за Энтропией. Ты удивишься, если узнаешь, для скольких задумок «Картакса» мы использовали файлы, украденные с серверов Регины. На мой взгляд, Бринку нужно было разрабатывать вакцину не своими силами, а сотрудничать с ее людьми.

Дверь лаборатории распаивается, и Мато оборачивается. Внутри заходит Дакс, его поддерживает один из солдат. Синяк на его лице распространился почти на всю щеку. Его зеленые глаза скользят по комнате – к генкиту, к Мато, к кабелю в моей голове. А затем парень тяжело опускается на один из стульев.

– Ты в порядке? – спрашивает он.

– Точно лучше, чем ты.

Дакс слабо улыбается:

– Еще бы. – Он переводит взгляд на Мато: – Спасибо, что прикрыл меня перед Бринком, Сомата.

– В следующий раз, когда захочется украсть квадрокоптер, предупреди заранее, – бормочет Мато. – Он бы бросил тебя за решетку.

Дакс кашляет, его плечи дрожат.

– Тюремная камера – сейчас меньшая из моих проблем.

Я перевожу взгляд от одного к другому. Дакс теперь возглавляет команду ученых «Картакса», так что, уверена, ему приходится часто общаться с Центральным штабом, но, похоже, они с Мато знают друг друга не только из-за этого. В воздухе не витает напряжение, как между Даксом и Ли, но все же что-то есть. Они оба амбициозные и опытные кодировщики. Может, они просто нашли общий язык.

– Думаю, все готово, – говорит Мато. – Дакс, ты будешь следить за ее жизненно важными показателями, а я поработаю над имплантом. Если я прав и у нее есть маячок, то, как только мы его перезагрузим, он тут же пошлет сигнал. И тогда останется лишь отследить его и определить, где прячется Лаклан. Катарина, ты готова?

Я смотрю на Дакса, который нервно барабанит пальцами по столу. Он трет глаза и явно борется с лихорадкой, мучающей его. Я не ожидала, что он станет следить за моей панелью во время взлома. До сих пор Дакс был на моей стороне, а в «Комоксе» ясно дал понять, что мне не нужно страдать из-за поступков Лаклана. Но трудно предугадать, какой будет его реакция, если он выяснит, что я не его дочь.

– Ты готова? – раздраженно переспрашивает Мато.

Я оглядываюсь на него:

– Да, готова. Давайте сделаем это.

Его взгляд стекленеет.

– Хорошо. Начинаем взлом через три, два, один.

Кабель в голове вибрирует, а панель внезапно начинает мигать. Я готовлюсь к приливу боли, но ничего не происходит. Никакого давления в затылке или болезненных ощущений, нарастающих внутри. Вращающийся логотип на экране сменяется списком показателей с цифрами.

– Это отчет о диагностике импланта, – глядя на экран, говорит Мато. – Судя по данным, ты получила травму несколько дней назад. Это произошло во время расшифровки.

Я хватаюсь за стол.

– Подожди, ты хочешь сказать, что у меня повреждения мозга?

Мато склоняет голову:

– Скорее сотрясение. Этим и опасны импланты. Но я как-то запустил код, последствия от которого оказались намного хуже. Все будет в порядке, но тебе следует отдыхать, пока не поправишься.

– Черт, – бормочу я.

Всю прошлую неделю мы с Леобеном каждый день тренировались часами напролет. Наверное, я падала на землю сотни раз и при этом почти не спала. Это в корне противоречит тому, что мне следовало делать.

Я смотрю на экран, ожидая, когда на нем что-то изменится. Я даже не знаю, продолжается ли взлом. Перед глазами ничего не расплывается, а сердцебиение в норме, но в руке зарождается боль. Тянется от панели вниз к ладони, словно по коже льется кипяток. Через мгновение она так усиливается и распространяется, что мне хочется сжать руку в кулак.

– Рука болит, – говорю я. – Так должно быть?

Мато хмурится:

– Я ничего не вижу в журнале событий импланта. Крик, что с ее панелью?

– Кажется, я что-то вижу, – бормочет Дакс. – Сейчас попытаюсь разобраться.

Я тяжело сглатываю, стараясь держать руку неподвижно. Боль медленно и предательски расплзается по моей коже, заставляя клетки плавиться.

– Может, остановимся? – спрашивает Мато.

Дакс качает головой:

– Нет, нашел. Похоже, в ее спинном узле зависли какие-то команды. Одна из них связана с панелью и активирует алгоритм – я пока не разобрался какой, – а вторая, скорее всего, связана

с имплантом. – Он поворачивается к экрану и, сосредоточившись, отправляет на него целые страницы текста. – Похоже, эти команды должны были выполняться во время расшифровки, но они почему-то зависли.

– Что это значит? – стискивая подлокотник стула и стараясь перебороть боль, спрашиваю я. Она становится все сильнее, словно у меня под кожей копошится армия насекомых. – Я думала, ты получил вакцину целиком.

– Так и было, – говорит Дакс. – Но не думаю, что эти команды связаны с вакциной. Тут что-то другое.

Мато переводит взгляд на экран и вчитывается в текст. Там отображаются коды двух команд, рядом с которыми сообщения об ошибках, датируемые днем расшифровки. Дакс прав, они должны были запуститься еще тогда, но почему-то остановились. Вот только если эти команды не связаны с вакциной, то что, черт возьми, они должны делать?

– Команда для импланта должна была изменить его настройки, – прищурившись, говорит Мато. – Она должна была отключить модуль подавления памяти, но, похоже, к тому моменту это уже произошло. Ты вырезала панель перед расшифровкой, верно? Думаю, именно поэтому команда не сработала.

– Я перезагружу спинной узел и попробую удалить команды, – говорит Дакс.

Его взгляд стекленеет, код на экране начинает мигать...

А затем лаборатория исчезает.

На меня наваливается невероятная тяжесть, живот сжимается. Перед глазами появляются черные, серые и ослепительно-белые вспышки. Внезапно я оказываюсь на металлическом столе, над которым горят яркие лампы. Воздух теплый и пахнет жасмином. Сквозь окно рядом со мной видно выжженную пустыню, тянущуюся до гор на горизонте, которые окутаны дымкой. Стены оштукатурены и обклеены пластиковой пленкой. По этому, а еще по батарее пробок с наножидкостью и жужжащему генкиту я понимаю, что нахожусь в импровизированной лаборатории.

Лаклан возвышается над столом и смотрит на меня.

Я моргаю и, вернувшись обратно в реальность, втягиваю воздух. Боль поднимается все выше по руке и окутывает локоть. Лицо Лаклана все еще мелькает у меня перед глазами. Наверное, это еще одно воспоминание Цзюнь Бэй.

Но когда она была в пустыне?

– Катарина, – схватив меня за плечо, зовет Мато, в его глазах я замечаю проблеск беспокойства. – Имплант только что перезагрузился. Ты в порядке?

Я киваю, но стискиваю зубы, сжимая и разжимая кулак. Боль в руке просачивается сквозь пальцы и прожигает ладонь. Кажется, от команд, которые запустил Дакс, меня вновь окунуло в штормящее море воспоминаний. Я ощущаю, как они царапают мои чувства.

– Сработало? – спрашиваю я. – Ты нашел маячок?

– Потерпи еще минутку, – отвечает Мато. – Мы почти закончили.

Боль в руке прожигает кожу, а перед глазами начинают плясать белые пятна. Я открываю рот, чтобы попросить Мато остановиться – сказать, как горит рука, – но внезапно все вновь расплывается перед глазами.

Я замираю, не двигаясь и не дыша. Кажется, стоит мне моргнуть, и я вновь погружусь в новое воспоминание, но у меня еще остаются силы держаться. Оно затягивает меня, но ему мешает что-то еще. Какая-то граница у меня в голове. Барьер между моими мыслями и воспоминаниями Цзюнь Бэй.

Словно внутри выстроена стена, которая делит меня пополам.

Я пытаюсь сделать глубокий вдох, но боль расплзается до шеи и простреливает в основании черепа. А затем что-то начинает вибрировать у меня под кожей.

– Что-то не так, – с остекленевшим взглядом говорит Дакс и встает. – Мы должны оста...

Но он опоздал. Мое предплечье сотрясает дрожь, а светодиоды на панели начинают мигать, когда из руки с брызгами крови вырываются десятки черных кабелей.

Я сжимаю зубы, чтобы сдержать крик, а затем все вновь плывет перед глазами.

Новое воспоминание перекидывает меня через стену в моем сознании, и на этот раз у меня нет сил с этим бороться. Я снова в пустыне, лежу на кровати, а к руке тянется капельница с мерцающей зеленой жидкостью. Руки забинтованы, на шее лейкопластырь. У дальней стены стоит генкит возле прозрачных двойных дверей, за которыми виднеются темные гроззовые облака. Небо пронзают молнии, освещая силуэты стаи бело-золотистых странствующих голубей.

Вот где Лаклан изменил мою ДНК.

Я чувствую это кожей, костями. Он сделал это не в хижине, а в какой-то другой лаборатории. Стены исписаны какими-то заметками, а на полу возвышаются стопки бумаги. Лаклан стоит у окна, сложив руки за спиной, и смотрит на голубей.

Я моргаю и оказываюсь на полу лаборатории «Проекта Заратустра», а в ушах звенит эхо от собственного крика. Надо мной возвышается Дакс, его зеленые глаза широко распахнуты от шока. Кабели, вырвавшиеся из моего предплечья, втягиваются обратно, оставляя после себя кровавые разводы.

– Принцесса, – выдыхает Дакс и хватает меня за плечи, чтобы помочь подняться. – Все закончилось.

Дыхание перехватило, горло пересохло. По руке течет кровь и капает с локтя. Не знаю, почему десятки кабелей только что вырвались из-под кожи, но они уже исчезли, а вены наполнились обезболивающим, от которого кружится голова.

– Сработало?

– Да, – говорит Мато, и на темном стекле его маски вспыхивают еле заметные знаки. – Имплант перезагрузился. Я отслеживаю сигнал. Но это непросто. Думаю, Лаклан использует имплант, чтобы отслеживать не только твое местоположение, но и состояние здоровья. Он получает данные о всех твоих жизненно важных показателях.

Я зажмуриваюсь, прижимая окровавленную руку к груди. Голова кружится от потери крови, обезболивающих и мысли, что Лаклан получает мои жизненно важные показатели. Он не просто следит за мной, а изучает меня.

Я всего лишь один из его экспериментов.

– Я отследил сигнал, – повысив голос, говорит Мато. – Мы поймали его. Он в Неваде. В Энтропии.

Я моргаю, пытаюсь справиться с волной головокружения от обезболивающего. Энтропия. Город, которым управляет хакер Регина. Теперь понятно, почему я видела в воспоминании голубей и горы в пустыне за окном. Наверное, там у Лаклана лаборатория. Если в том месте он изменил мою ДНК, то, возможно, именно там сейчас и прячется.

– Есть еще кое-что, – говорит Мато. На экране появляется текст. – Я нашел это в скрытой папке на импланте. Думаю, этот файл был прикреплен к коду, добавленному к вакцине.

Я всматриваюсь в текст, хотя перед глазами все продолжает расплываться. Рука болит, давление падает. Мне нужно прилечь. А еще желательно вколоть исцеляющую сыворотку, но я не могу пошевелиться. Я даже вдохнуть не могу.

На экране яркими буквами светится сообщение от Лаклана: «Если вы читаете это, значит, я выиграл. Эта работа знаменует начало новой эры и позволит перекодировать человечество в более совершенный и сильный вид. Вы не сможете остановить это так же, как не можете остановить восход солнца. Для человечества наступила новая эра, и мир уже никогда не станет прежним».

– Черт побери, – выдыхаю я. – Ты это видишь, Дакс?

Но он не отвечает. Он вытаращился на меня, прикрыв рот рукой. Сообщение на экране сменилось отчетом – журналом отправки сигнала, который только что отследил Мато. Он показывает наше местоположение в Канаде и координаты точки в Неваде. В Энтропии. Рядом с данными Лаклана напечатан шестнадцатеричный идентификатор его панели, как и рядом с моим.

Вот только он принадлежит не мне.

По крайней мере, это не тот набор цифр, который знает Дакс. Это строка из шестнадцатеричных символов, которую Коул продиктовал мне в хижине, когда я пыталась найти для него Цзюнь Бэй. Я вычислила ее сигнал, но он оказался замаскирован – перескакивал между городами и серверами, скрывая ее местоположение. Это доказывало, что она жива, но мне не удалось определить ее координаты.

Но тогда в хижине я нашла не панель Цзюнь Бэй. А маячок, который спрятан в моем собственном черепе.

– Боже мой, – побледнев, говорит Дакс. – Ты не Катарина. Ты Цзюнь Бэй.

Глава 10

Мато отступает назад с нечитаемым выражением лица. Дакс молчит, словно язык проглотил, и с ужасом в глазах смотрит на меня. Он встает со стула, моргает...

А затем бросается на меня через стол.

– Что ты с ней сделала? – кричит он.

Схватив меня за плечи, Дакс стаскивает меня со стула и бросает на пол. Кабель скрипит в моей панели, а тот, что в голове, отключается. Тело простреливает нестерпимая боль, когда мое раненое предплечье ударяется о бетон.

– Где Катарина?

Я сжимаюсь, хватаю ртом воздух.

– Это я! Дакс, это я!

– Не ври мне! – В его глазах плещется безумие. – Скажи мне, где она!

– Я н-не вру! – выдыхаю я. – Я не Цзюнь Бэй. Уже нет.

– Отпусти ее! – Мато хватается Дакса за куртку и оттаскивает от меня. – Я вызвал остальных. Они сейчас придут.

Дакс отпускает меня и, спотыкаясь, отступает назад. Я поднимаюсь и отхожу от него, глотая воздух. За мной по полу тянутся кровавые разводы, а боль в руке такая сильная, что меня начинает мутить. Дакс выпрямляется и пытается отдышаться. Его руки покрыты моей кровью. Тут двери в коридор распахиваются и в комнату врываются Коул с Леобеном, а за ними по пятам следуют солдаты. На мгновение перед глазами появляется мерцание, а затем рядом с ними возникает Бринк. Он смотрит на меня, и я пытаюсь убраться подальше, но мне некуда идти.

Нет выхода, нет спасения. Именно этого я и боялась. Они узнали правду обо мне и теперь никогда меня не отпустят. Но они должны... мы узнали, где прячется Лаклан. И я уверена, что могу помочь его найти.

Как только Леобен осматривает лабораторию, его глаза чернеют. Схватив Дакса, он оттаскивает его в сторону. Коул направляется ко мне, но солдаты вскидывают винтовки, и комнату заполняет эхо щелчков от взведенных курков и приказы остановиться. Один из них хватается за запястья и толкает на колени.

– Так-так, – говорит Бринк. Я слышу, что он старается сохранять голос ровным, но ему с трудом удается скрыть потрясение. – Цзюнь Бэй. Похоже, ты все-таки вернулась домой. Мне следовало догадаться, что ты тоже будешь участвовать в плане Лаклана.

– Нет, – возражаю я, стараясь вырваться из рук солдата. – Я и понятия не имела, что он задумал. Я больше не Цзюнь Бэй – а еще неделю назад считала себя дочерью Лаклана. И тем более не хотела, чтобы это все произошло. Единственное мое желание – спасти вакцину.

Бринк цокает:

– Видишь ли, мне трудно в это поверить. Ведь это ты добавила присоединенную процедуру к вакцине. И ты написала код, который помог разослать ее всем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.